

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА**

**ФАЗУ АЛИЕВА –ГОЛОС МИРА,
ДОБРА И ЛЮБВИ...**

к 90-летию народной поэтессы Дагестана

**Репертуарно-методический-сборник в помощь
КДУ, центрам культуры**

Махачкала 2022

«Всю свою жизнь Вы посвятили творчеству, сохранению и развитию лучших традиций многонациональной отечественной литературы. Вас знают как яркого и самобытного писателя, автора многих замечательных произведений. Секрет успеха Ваших книг, их популярности у читателей разных возрастов и поколений – неповторимый художественный стиль и поистине уникальный национальный колорит. Самого глубокого уважения заслуживает и Ваша плодотворная общественная, просветительская, организаторская деятельность, искренняя забота о нравственно-патриотическом воспитании подрастающего поколения»

Президент России

В.В. Путин, 2008 г.

Уважаемые коллеги!

5 декабря мы отмечаем знаменательную дату рождения народной поэтессы Дагестана Фазу Гамзатовны Алиевой, 90-летие!

В далеком 1969 году автору более чем ста прозаических и поэтических произведений было присвоено звание народной поэтессы Дагестана. Ее книги переведены на многие языки мира. Стихотворения Фазу Алиевой звучат на английском, немецком, итальянском, испанском языках, их публиковали на арабском языке, хинди.

Биография этой выдающейся женщины служит примером для многих людей искусства. Так как поэтесса жила по тем принципам, о которых писала, и каждая строчка ее стихотворений или прозы пронизана искренними переживаниями, ее произведения захватывают любого читателя.

Большого уважения заслуживает общественная, просветительская, организаторская деятельность Фазу Гамзатовны, её неустанная забота о нравственно-патриотическом воспитании нашего подрастающего поколения, которому жить в нашей стране.

У Алиевой много наград и званий. Она являлась председателем Союза женщин Республики Дагестан, академиком Национальной академии наук Дагестана, Академиком Международной академии по культурным связям.

И сама была личным примером порядочности, честности и скромности. «Вся моя жизнь – борьба с собой и с несправедливостью», – говорила Фазу Алиева.

Фазу Гамзатовна – первая женщина в СССР, получившая звание народной поэтессы в молодом возрасте, в 33 года, и первая дагестанка, чье имя вошло в Книгу выдающихся женщин мира.

Дагестанская аудитория должна знать творчество талантливой поэтессы, в чьих произведениях затронуты вечные ценности добра, любви, гуманизма, милосердия, мужества и патриотизма в широком понимании.

Репертуарно-методический сборник включает несколько рубрик: «По страницам биографии», «Вечные ценности», «Посвящение» – все они помогут сложить незабываемый образ женщины-матери, героини своего времени и, конечно, выдающегося поэта.

«Творчество Фазу Алиевой внесло большой вклад в решение важнейших общенациональных задач, в развитие замечательных традиций отечественной литературы»

Президент В.В. Путин

5 декабря 1932 года в дагестанском ауле Гиничутль родилась девочка, которая стала гордостью и достоянием республики.

Фазу Алиева рано потеряла отца, онтрагически погиб, когда ей не было и пяти лет. Четверых детей в семье поднимала одна мать. Простая женщина из аула умудрилась всем дать высшее образование. Матери пришлось испытывать нужду и трудности, она работала в местной больнице санитаркой. Однако сильная женщина вырастила прекрасных людей. Они не только окончили среднюю школу, но и все младшие Алиевы получили высшее образование. Дочь простой санитарки стала символом освобожденной женщины Востока и первой национальной поэтессой Дагестана. Материнский подвиг стал главной темой творчества будущей советской поэтессы Фазу Алиевой.

«Я не думаю, что мужество можно проявить только на войне, – говорила Ф.Алиева, – есть мужество жить, мужество выполнять свой долг перед родителями, мужество достойно нести бремя повседневности. И это мужество вдохновляет меня писать стихи».

Слагать слова в стихи девушка начала еще в школьные годы. Она писала как на аварском, так и на русском языках. Ей было 10 лет, когда она услышала рассказ учителя, который воевал на фронте и поделился с детьми о трудностях военной жизни. Большое впечатление на одноклассников и учителей произвело стихотворение, которое девочка написала о Великой Отечественной войне. Замечательное произведение Фазу появилось в

школьной стенгазете. Это была первая в ее жизни публикация. В 17 лет дагестанская поэтесса печаталась в газетах «Большевик гор» и «Комсомолец Дагестана».

Окончив школу, девушка осталась в родном селе, ее ждала работа учителем. Она преподавала четыре года, пока не решила продолжить свое образование. В пятидесятые годы в Дагестане существовал женский педагогический институт, где Фазу проучилась один год. У нее уже накопилась солидная подборка стихов, и молодая поэтесса попробовала поступить в литературный институт имени М. Горького в Москве.

Ее стихи пришлись по душе членам приемной комиссии, и девушка стала студенткой знаменитого института. Годы учебы в Москве оказали огромное влияние на мировоззрение поэтессы. Она встречалась с классиками советской литературы и в совершенстве овладела техникой литературного творчества.

Фазу Алиева считала поэзию тем родником, в котором человек может напиться живой воды, обрести духовное совершенство. Ее поэтический сборник «Мой родной аул» вышел в свет перед окончанием института в 1961 году. Она вернулась в родную республику. Ее творчество получило расцвет в шестидесятые годы, когда из-под пера Фазу вышли сборники «Радугу раздаю», «Весенний ветер», поэма «На берегу моря», вышел в свет прозаический роман «Судьба». Фазу Алиеву принимают в члены Союза писателей Советского Союза.

В семидесятые годы XX века знаменитая дагестанская поэтесса становится видным общественным деятелем. Она занимает пост главного редактора периодического издания «Женщины Дагестана». Другим местом приложения ее энергии стал Дагестанский комитет по защите мира, где Фазу Гамзатовна была председателем. Поэтесса работает в Верховном Совете Дагестана как заместитель председателя.

В период восьмидесятых-девяностых годов Фазу Алиева больше сосредотачивается на прозе, хотя в это время выходят двухтомники избранных произведений поэтессы на русском и аварском языках.

В девяностые годы Фазу Алиева публикует сразу три романа: «Два персика», «Листопад» и «Знак огня». Кроме того, в свет выходят сборники ее прозы – «Излом», «Отчего седеют женщины» и «Дагестанские тосты».

Когда Фазу Алиевой исполнилось 70 лет, в ее честь было выпущено собрание сочинений в 12 томах «Талисман».

Творческое наследие поэтессы – более ста книг и сборников, которые переведены на более чем шестьдесят языков мира. Ее произведения будут продолжать жить и радовать еще многие поколения, ведь вряд ли в ближайшее время в литературе появится такая же звезда, как Фазу Алиева!..

Алиева Ф.Г. является обладательницей множества наград за пропаганду и защиту мира не только в Дагестане, России, но и во всем мире. Среди них золотая медаль Советского фонда мира и медаль «Борцу за мир» Советского комитета защиты мира и многие другие.

В 2017 году сквер Дружбы в Махачкале в память о поэтессе и общественном деятеле украсил памятный мемориал.

«Любовь– это сильное оружие. Я расскажу лишь о любви к моим близким. Для меня нет ничего ближе, чем они! Мои сыновья, их дети – это частичка меня! Я никогда не забываю о них и они обо мне... Любовь – это окрылённость, это самое характерное в моём творчестве, любовь– это вдохновение»

Ф.Г. Алиева

Стихи

"Мама", –
Чуть слышное слово,
А в нем
Столько добра и тепла:
Тыщи вершин были в сердце моем –
К каждой тропинка легла.
"Мама", –
Чуть слышное слово,
А в нем
Твердость такая слышна:
Тыщи ущелий в сердце моем
Заполнены до полна.
Небо вдруг стало близким таким –
На расстоянье руки.
Реки, моря, океаны под ним
Как ручейки.
Будто на всем обрела в этот час
Я беспредельную власть.
Матери-женщины,
С каждой из вас
Я воедино слилась.
"Мама", –
Такого сладкого меда
Еще ни одна пчела,
Работающая год от года,
В улей не принесла.
"Мама", –
Такой глубины не вынуть

Тысячами лопат.
"Мама", –
Такой глубины в долинах
Не пробивал водопад.
"Мама", –
Такой высоты высокой
Ни в какие века
Еще ни один
Ни орел,
Ни сокол
Не достигал пока.
"Мама", –
Путник усталым взглядом
Ищет в прохладе покой.
Но никогда
Он в пути
Прохлады
Не находил такой.
"Мама", –
Легкое, как пушинка,
Выпавшая из пера.
"Мама", –
Среди гор
Твердое, как вершинная
Гора.
И как будто шепотом сказанное
Это слово наедине,
Целым миром услышано сразу,
И весь мир завидует мне.
"Мама", – мост к существу бытия,
К смыслу добра и зла,
Русло мое,
В которое я
Беды свои отвела.
"Мама", – печатью легло золотой
На сердце мое
Давно.
И никакою соленой водой
Смыть ее не дано.
Словно под белым
Под снежным покровом
Сын мой два слова нашел.

Словно подснежники,
Пахнут два слова:
"Мама"
И "хорошо"!..

«Срочно доставить!»

Тысячи писем
Влюбленные шлют –
И краткие, и многословные,
И чтоб их от писем других отличать,
Нужна бы на каждом
большая печать:
"Срочно доставить! Любовное!"
Красным печатать бы эти слова,
Чтоб сразу в глаза бросались,
И чтоб эти письма
В груди других –
Не жгучих,
не срочных, не колдовских –
Минуты зря не валялись!
Чтоб мчались,
Стучались к любимым в дверь,
Чтоб не задерживались, как теперь,
На сутки, а то и больше
И чтоб спешили с таким письмом
Аж на десятый этаж бегом
Почтальоны и почтальонши.
Чтоб на мгновенье как будто с ума
Сходила вся почта,
Чтоб даже сама
Начальница хладнокровная
Краснела и млела при виде письма
И огневого его клейма:
"Срочно доставить! Любовное!"
...Милый,
Опять на целых два дня
Письмо твое было задержано,
Два дня
протомилась – промучилась я,
Словно тобой отверженная,
На целых два дня опоздала ко мне
Волна твоей ласки и нежности, –

И не по чьей-то злостной вине,
А из-за почтовой небрежности.
Поэтому шли скорее ответ
На это письмо взволнованное, –
Как жаль,
что на почте
штемпеля нет:
"Срочно доставить! Любовное!"
Нужна на конвертах такая печать:
Не все почтальоны – влюбленные,
Не все понимают,
как трудно ждать
И как наши души способны страдать,
Разлукою истомленные...
Введите такую печать!
Пусть грозит
Ответственность уголовная
Тем, кто посмел задержать
Хоть на час
Письмо, на котором пылает приказ:
"Срочно доставить! Любовное!"

Благодарю судьбу

Я где-то слышала: в разгаре летних дней
Обиженный цветок увянет всех быстрее, –
Цветок, что обойден счастливою судьбою,
Так и не тронутый шмелем или пчелою.
Пусть лепестки порой ломает жадный шмель,
Когда торопится добыть цветочный хмель,
Не обижаются ромашка и фиалка –
Для встречи со шмелем им лепестков не жалко,
Им долго вспоминать, им снова ожидать
Мгновенья жгучего и боль, и благодать
И капли слез ронять, грустя по-человечьи
О той сверкающей, неповторимой встрече...
Благодарю судьбу и ей молюсь тайком,
Что не осталась я обиженным цветком,
Что появился ты, внезапный незнакомец,
И боль мне подарил, и горький жар бессониц,
Благодарю за то, что, крылья разметав,
В твои объятия бросалась я стремглав,
Что листья губ моих, как при внезапном шквале,

Под поцелуями твоими трепетали,
Что жаркий шепот твой:
"Люблю... Я снова здесь..." –
Во мне, восторженной, так растворялся весь,
Как растворяется в песке морская пена,
Как растворяется в душе аккорд Шопена...

Боль и радость

Сколько в каждой женщине боли...
Если боль бы выплеснуть эту
И поставить рядом ее виновника,
Чтобы виновен стал
Всему свету, –
Я уверена:
Возле каждой боли,
Ненасытной, мучительной, огневой,
Встать бы пришлось мужчине
С виновато опущенной головой,
Ибо злейших страданий женских причина
С древних времен –
Мужчина.

Сколько в каждом мужчине радости...
Если б радость выплеснуть эту
И поставить рядом ее виновницу,
Чтоб видна была
Всему свету, –
Я уверена:
Возле каждой радости,
Лучезарной, солнечной, золотой,
Женщина бы стояла
Со счастливо поднятой головой,
Ибо женщина –
радостей лучших
причина,
Это помнить должен
Мужчина.

Вдвоем в огне

Я помню, в детские года мне говорила мать:

Одно полено в очаге огня не может дать,
Но если два полена в нем сомкнули два плеча,
Их дружба – до последних искр – ярка и горяча.

Мы бросили себя в огонь, – и верить я хочу,
Что будем в очаге любви гореть плечо к плечу,
Гореть все ярче и больней, все жарче и дружней,
Покуда не сгорим дотла в огне ночей и дней.

Одно полено в очаге огня не может дать,
Но двое нас, и нам в двоим одним огнем пылать, –
Пусть людям станут очагом надежды и тепла
Два наших сердца, две судьбы, два пламенных крыла.

Вера в жизнь

В каждом живет сокровенное чувство,
Оно сокровенней, чем даже любовь.
Неведомыми, потайными путями
С рожденья оно проникает в душу,
Становится воздухом в наших легких,
Током кровинок, что в жилах бегут.
Не вспомнить ни дня, ни часа, ни мига,
Когда это чувство пришло впервые,
Когда эта самая первая капля
Из будущего океана жизни
Бесшумно и неодолимо проникла
В сердце младенческое твое.

В каждом живет сокровенное чувство,
С чем я могла бы его сравнить?
...Помню: пришла я на эту землю
Иззябшей девчонкою босоногой,
В ссадинах были худые коленки,
Косички прыгали на плечах,
Весна еще только вступала в горы,
И молча по склону, по рыхлому снегу
Брела босиком, напрямик брела я
И слезы размазывала кулачком.
О боль самой первой детской обиды,
Щемящее, горькое недоуменье –

Разве словами об том расскажешь,
Разве земля это сможет понять?
И капали слезы, и чудо случилось:
Земля поняла!.. Сквозь горючую влагу
Цветы у меня в глазах запестрели,
И заколыхались разливы трав...
Снежинками падали эти мгновенья,
Земля поняла – оттаивать стала,
А с нею и боль оттаяла в сердце,
И снова в груди зацвели луга.

В каждом живет драгоценное чувство,
Оно драгоценней, чем даже любовь.
...Помню, пришла я на эту землю
Сразу же после весеннего сева –
На свежевспаханный склон взбежала,
Упала на черные, влажные комья,
Хотела заплакать – и не смогла.
К земле я припала, ей завещая
Отца своего, погибшего в битве,
По-детски беспомощно плечи дрожали,
По-взрослому были сухими глаза.
И черную весть – нежданное горе
Со мною родная земля поделила
И мне помогла наконец заплакать,
И, как из-под камня – горячий ключ,
Брызнули слезы, в ручьи превращаясь,
И побежали по рыхлому склону,
И набухать стали зерна быстрее,
Смелее прорезываться ростки,
И гулко в груди отзывался голос
Весенней земли, меня обучавший
Упорству корней, и смелости всходов,
И яркой доверчивости цветов,
Меня обучавший силам надежды
И правде извечного круговорота
Жизни, и смерти, и новой весны.

В каждом живет дерзновенное чувство,
Оно дерзновенней, чем даже любовь.

...Помню: пришла я на эту землю
Преображенной и повзрослевшей,
Вся переполнена пламенем пылким,
Вся – как трепещущий жгут огня,
И бросилась я, задыхаясь от счастья,
На землю, на жаркую летнюю землю,
Ее обнимала и молча кричала:
"Как ты прекрасна, земная жизнь!.."
И тяжелели плоды на ветках,
И набухали в колосьях зерна,
И переняла я в тот миг у природы
Дар ее высший, дар изначальный –
Плодоношения дивный дар.

В каждом живет священное чувство,
Священной оно, чем даже любовь.
Оно безотчетно и неодолимо
С младенчества проникает в сердце,
Пропитывает наше тело и разум, –
Как поточней это чувство назвать?
Я назвала бы его доверьем –
Доверьем к жизни, к своей судьбе,
Детскою верой в добро и счастье,
Что с первым биением входит в сердце,
С последнею капелькой крови уйдет.
Землей назвала бы я это доверье –
Землей, из чьей плодотворной глубины
Яблоня жизни растет.

А как же любовь?
Любовь я сравнила бы
С самой высокой и светлой веткой,
Что на чудесной яблоне этой
Не только весной – и зимою цветет!

Вкус молока

Недаром говорят: пусть в жизни нелегко,
Но материнское поможет молоко –
Святое молоко, что ты младенцем пил,
Что стало родником твоих надежд и сил.

Я снова погостить приеду в наш аул,
Услышу крик орлов, ущелий влажный гул
И снова на губах почувствую слегка
Вкус материнского святого молока.

Опять, как в юности, восторженно дышу,
Из ледяных ключей горстями пить спешу,
Как в детстве, на обрыв зарю встречать бегу,
Потом ромашки рву на солнечном лугу.
Вдыхаю радостно целебных трав настой,
А ветер голубой и полдень золотой
Вливаются в меня так мягко, глубоко,
Как материнское святое молоко.

Была суровой мать – солдатская вдова,
Не позволяла мне пустого баловства,
Была суровой грудь орлиных наших гор,
Где всем невзгодам мы росли наперекор.
Узнала много я людей и стран других –
Синее небеса, пышной цветы у них,
Но славлю Родины священные черты –
С ней материнские черты навек слиты.

Горсть земли

Еще совсем девчуркой я была,
Когда тяжелые чужие сапоги
Через порог страны,
незванные, шагнули
И в пыль впечаталась
дорог ее горящих
Колес и гусениц чужая сталь, –
Нагрянула война...
И снова вижу утро,
Когда на фронт сбирался наш сосед:
Всегда веселый,
разговорчивый такой,
Стал молчаливым он внезапно.
Молча
Родню заплаканную взглядом он обвел,
Стоявшую у выхода из сакли,

И, молча наклонясь,
взял горсточку земли,
И завернул в платок,
И молча спрятал...
Со дня того,
Как он на фронт ушел,
Частенько я об этом вспоминала
И детским разумом своим
понять пыталась:
Зачем ему понадобится может
Горсть
этой темной,
высохшей земли?
Голодным будешь – съесть ее нельзя,
Захочешь пить – ни капельки не выжмешь.
Я спрашивала мать свою об этом,
Спросила как-то раз и деда-старика,
И отвечали мне,
Что горсть родной земли
В пути далеко
людям помогает,
А в трудный час и от беды спасет!
О детский ум, наивный и пытливый,
Весеннее журчанье ручейка, –
Не мог понять мой ум,
Какую помощь может
Комок земли на фронте оказать?
Его в ружье
не вложишь, как патрон,
И сломанную саблю им не склеишь...
Так что ж в виду имеют старики?
Лишь через много лет
сумела я понять,
О чем в тот грозный день
Мог думать наш сосед,
В сраженье уходя.
Лишь через много лет
Сумела и прочесть
тот взор его прощальный,
Что в детской памяти моей запечатлелся,

Суровый,
в душу проникавший взор.
Сказал тот взор
родителям седым:
"С собой в жестокий бой
Беру я эту горстку
Земли заветной,
на которой долго
Вы прожили, родители мои,
Пахали,
сеяли,
горячий пот роняли,
Людское уваженье заслужили,
Состарились,
Зато себе на смену –
И буду вам всю жизнь
за это благодарен –
Смогли мужчиной воспитать меня!"
Сказал тот взор
заплаканной жене:
"С собой в далекий путь
Беру я эту горстку
Земли любимой,
где для нас двоих
Весной цвели цветы, зимой снега сверкали,
По глыбам прыгали ручьи,
Звенели птицы,
Тропинки весело сбегали с гор;
Земли чудесной,
на которой счастье
Однажды в облике твоём
Я встретил,
Когда ты шла с кувшином на плече,
Прекрасна и горда,
как юная орлица, –
Такой тебя в тот миг
Впервые я увидел,
Такою с первого мгновенья полюбил!"
Сказал тот взор
трехлетнему мальчонке,

Что возле матери стоял,
Боясь заплакать,
И с удивлением на проводы глядел:
"Запомни, мой сынок,
Беру я эту горстку
Земли родимой,
чьи живые соки
Поят твою ребяческую жизнь,
Земли прекрасной,
по которой смог ты
Пройти пока лишь несколько шагов,
Но с каждым днем смелей
По ней ты бегать будешь
И скоро станешь маленьким джигитом,
Когда домой с победою вернусь!.."

О горсть земли –
священная крупинка
Моей страны огромной!
В годы детства,
Живого, звонкого,
как ручейки в горах,
Понять я не могла:
Зачем в бою с врагами
Или в чужом краю
понадобиться может
Сухая горсточка земли?
Зато теперь
Я это и умом,
и сердцем понимаю...
Да, если Родина однажды позовет
И час придет
в суровый путь собираться,
Я раньше всех вещей необходимых
Возьму с собой
простую горсть земли –
Земли моих отцов,
земли родной, заветной,
Неотторжимой от моей судьбы,
Земли,

которую мы внукам завещаем,
Бессмертной,
Пахнущей и свежими цветами,
И потом пахарей,
и кровью храбрецов.

Жар-птицу я схватила...

На днях приснилось мне: жар-птицу я схватила
И с нею ввысь взвилась, где вечные светила
Горят и кружатся... И вот, горда, смела,
По Млечному Пути я в мой чертог вошла.
Здесь никаких сует – ни спешки, ни собраний,
Ни гранок, ни статей, ни закулисной брани,
Ни будничных забот, ни стирки, ни стряпни, –
Светло и празднично идут за днями дни.
От боли и тревог ни тени не осталось,
А столько времени, что даже не мечталось:
Есть даже лампа, стол – сиди себе, пиши
Романы да стихи для сердца и души.
Но странно! Чувствую: слова слабеют, сохнут,
Без горя, без борьбы живые чувства глохнут.
Где слезы, гнев, восторг? Бесстрастие одно.
Вся жизнь небесная – как скучное кино.
И птицу яркую, взлетевшую к светилам,
Разочарованно из рук я отпустила.
Сказала ей: "Прощай! Волшебные края
Беспечный фантазер оценит, но не я!
Поэту не прожить без мук, борьбы, тревоги,
Хочу вернуться вновь к земной моей дороге,
Чтоб вновь дышала грудь тревожной, горячей,
Чтоб бил из-под камней мой песенный ручей!"

Зарю встречая у окна

Замкнуты ставни, заросли ступени
В дом разочарований, в дом сомнений,
И всех былых ошибок и утрат
Из сердца выветрился горький яд.
Зато раскрыты окна, настезь двери
В дом, где сияют радость и доверье, –
Теперь, как чаша светлого вина,

Душа зарей просвечена до дна.
Зарю я эту у окна встречаю,
Листве и птицам песней отвечаю
И вдаль, навстречу первому лучу,
Весне в объятия пылкие лечу.
Тебе в объятия, страна родная,
Лечу, светясь, от счастья замирая,
И всю себя сейчас бы отдала,
Чтоб ты еще прекраснее цвела.
Захочешь – выйду к полевому стану
И васильком небесно-синим стану,
Захочешь – всплыв над горною грядой,
Зажгусь отрадной утренней звездой.
Ты – поле подо мной, страна родная,
Ты – небо надо мной, страна родная,
И в этом поле я цветком взойду,
И в этом небе превращусь в звезду!

Мгновения

Было время: мои мгновенья
Облетали, свежи и легки,
Как под утренним дуновеньем
На альпийском лугу лепестки.
А теперь научилась ценить я
Каждый миг уходящих лет,
В каждом видеть живые события,
В каждом чувствовать вкус и цвет.
Вьются, тают снежинки мгновений
На губах, на ресницах моих:
Есть мгновенья – как мед весенний,
Есть соленее брызг морских,
Есть мгновенья – острые линии,
Есть круги – мгновенья тоски
И счастливые – синие-синие,
Как доверчивые васильки...
Каждый миг, что сегодня прожит,
Алый, желтый ли, голубой,
Мне становится все дороже,
Сопряженный с моей судьбой, –
Будто чувствую дуновенья

С отдаленной, вечной реки
И от сердца
с каждым мгновеньем
Отрываются лепестки.

Много примет у меня...

Много примет у меня, по которым знаю,
Когда ты ко мне спешишь, – тебя ощущаю,
Как приближенье света или восход звезды,
Как среди знойного лета радостный звон воды
Или как близких молний жгучее полыханье:
Жарче становятся губы, прерывистее дыханье,
Мир в ожиданье замер, и валится все из рук,
И громок под левой грудью нетерпеливый стук.
Чувствую, чувствую, чувствую: ты – все ближе,
А грозовая туча – все тяжелей, все ниже,
Волны меня заливают, в грудь мою ворвались –
То в водоверть кидают, то поднимают ввысь!..
...Много примет у меня, по которым знаю:
Идешь ты – идешь ты ко мне!..
Торопливо дверь открываю,
Чтоб сразу тебя увидеть через дверной проем,
Чтоб душу мою захлестнуло радостью и огнем!..

Не верь ему

Не верь ему, не верь себе самой,
Когда вернуться захотел домой
Тот, кто однажды бросил этот дом,
Но вновь стучится под твоим окном.

В любви возврат немислим никакой,
Любовь – не домик будничный, простой,
Чьи стены можно заново белить,
Чьи окна можно заново стеклить.

О нет! Любовь – как сказочный дворец:
Исчезла сказка – и дворцу конец.
Мечта – его фундамент-монолит,
Даст трещину – дворец не устоит.

Не верь ему, не верь себе самой,
Когда беглец попросится домой:
Там, где руины в пепле и в крови,
Как возродишь былой дворец любви?

Не верь, любимый!..

Не верь, любимый, что мы в разлуке,
что мы и дышим, и мыслим врозь, –
Если бы даже сейчас между нами
буйное пламя стеной поднялось,
Я жгучим пламенем поднялась бы,
и запылали бы мы вдвоем,
Я поднялась бы, с тобой слилась бы
вся, до конца – как огонь с огнем...
Не верь, любимый, что мы в разлуке,
что мы и смеемся, и плачем врозь, –
Если бы даже сейчас между нами
злое море, кипя, разлилось,
Я бурными водами разлилась бы,
нас превратила в морской прибой,
Я разлилась бы, с тобой слилась бы
вся, до конца – как волна с волной...
Не верь, любимый, что мы в разлуке,
что мы и цветом, и увянем врозь, –
Мы гибкие ветки, холодному ветру
нас лишь на миг согнуть удалось.
Мы – две цветущие ветки-соседки,
их лишь на мгновение ветер развел,
Но не забывай, что у этих веток
и корни одни, и единый ствол...

Не думай, мужчина...

Когда синица под вешним солнцем
Звенит перед самым твоим оконцем,
Не думай, что птица всею душою
Уже раскрылась перед тобою:
Ревниво таит она от людей
Лучшую песню души своей.

Когда чинара, шумя над крышей,

Листву молодую с восторгом колышет,
Не думай, что дерево всей душою
Уже раскрылось перед тобою:
Недаром листья темны, густы –
Таятся в гуще ветвей цветы.

Когда подруга, светясь, улыбаясь,
К тебе доверчиво льнет, ласкаясь,
Не думай, что женщина всей душою
Уже раскрылась пред тобою:
Таинственной моря ее глубина,
Тебе, мужчина, лишь зыбь видна –
И никогда не достигнешь дна.

Призвание

Как ясно чудится порой, что вечность впереди,
Что будет вечно молодой весна в моей груди,
И вовсе не других учить – желание мое,
А вечной ученицей быть – призвание мое.
Гляжу на пламенный июль, на снеговой январь,
Как первоклассница глядит в раскрашенный букварь.
А как я счастлива стоять в толпе учеников
Улермонтовских родников, у тютчевских стихов!
И если чудится порой, что вечность впереди,
И если вечно – молодой огонь в моей груди,
То это, верно, потому, что миру нет границ,
Что буду в нем я лишь одной из вечных учениц.

Равнодушному

Не в том твоя самая злая беда,
Что был равнодушьем ты болен всегда,
Что мимо чудес этой жизни прошел,
Что главного в ней не узнал, не нашел.
Гораздо страшней, что, пройдя этот путь,
Не смог ты ни разу в себя заглянуть,
Что сердце в груди ты пронес, как скупец
Несет хитроумно замкнутый ларец.
Ключа не нашел ты в заветный тайник –
В богатства своей же души не проник,
И вот почему твоя жизнь не дала

Ни искорки радости, света, тепла.
Как страшно по жизни кипучей, земной
Не личностью – куклой пройти заводной!
Вот так, будто чьей-то рукой заведен,
Прожить, не раскрывшись, и ты осужден.

Ревность

Любимый, как понять, что за чужая сила,
Пока росла любовь, мне душу отравила:
Была и раньше я ревнива и горда,
Но подозрительной такую – никогда!
Иду по улице я об руку с тобою
И пристально слежу за женщиной люблюю:
Как смеют на тебя бросать хоть беглый взгляд?
А может быть, отбить, украсть тебя хотят?
Стать может каждая разлучницей проклятой!..
И с сердцем взрывчатым шагаю, как с гранатой,
И с дерзким вызовом на каждую смотрю:
"Вам не отдам его!" – глазами говорю.

Слова любви твоей

Слова любви твоей... Пускай они
Хранят меня – мои труды и дни:
Сплетутся в нескончаемую нить,
Чтоб кокон сердца моего обвить.
Все пылкие признания твои,
Все шепоты восторга и любви
Пусть мягким шелком сердце обовьют
И, как зимою – ласковый уют,
Мое тепло и нежность берегут.

Слова любви твоей... Пускай они
Помогут нам и в бедственные дни:
Не в мягкий шелк сольются, а в одну
Натянутую, крепкую струну.
По их тугой, нервущейся струне,
На невообразимой вышине
Через любую пропасть перейду,
Тебя сквозь все опасности найду

И отведу грозящую беду!

Сын

* * *

Будь, как начало.
Будь, как утро,
Как предисловье к речи мудрой,
Как предвозвестник новых лет,
Идущих за тобою вслед.

И – лучше скоро,
Чем не скоро, –
Пускай в тебе проснется тот,
Кто предпочтет огонь позору,
Смерть униженью предпочтет.

И слава прозвучит твоя
За рубежами бытия.
Счастливого пути, сынок!
Не на пороге
Дают мужчинам цену,
А в дороге.
Не забывайся в увлеченьях пылких:
По улицам въезжая в города,
Не забывай ту малую тропинку,
Которая вела тебя туда.
Хочу, чтоб ты, вышагивая чинно
В моднейшей шляпе, вдруг не зафорсил
И не забыл папаху из овчины,
Которую с младенчества носил.

2

Счастливого пути, сынок!
Не на пороге
Дают мужчинам цену,
А в дороге.
Коль встретишь старшего – путь уступи ему.
Шаг почитанья не считай за муку.
А младшему подай навстречу руку,

Как малому братишке своему.
Не говори, мол, мне весь мир знаком.
И скромности запас придется впору,
Коль ты в холме сумеешь видеть гору
И как с рекой считаться с ручейком.

3

Счастливого пути, сынок!
Не на пороге
Дают мужчинам цену,
А в дороге.
Не будь средь спутников своих
Уж слишком сладким.
А то они тебя съедят,
Как шоколадку.
И горьким нужно быть едва ли –
Таким, чтобы тобой плевали.
Иди и открывай те двери,
Где все простят тебе,
Где ждут тебя
И верят.

4

Счастливого пути, сынок!
Не на пороге
Дают мужчинам цену,
А в дороге.
Бери с собою мужество из дома.
Оно не только на крыле подъема.
А в том еще, мой маленький сынок,
Что, если вдруг тебя сбивают с ног,
Ты не лежишь распластанно и пыли
И не кривишь в слезливом плаче рот,
А, мячиком подпрыгнув от земли,
Встряхнувшись, продолжаешь путь вперед.

5

Счастливого пути, сынок!
Не на пороге
Дают мужчинам цену,
А в дороге.
Не там живи, где зло кипит в крови,

А рядом с добродетелью живи.
Потворствуй совести и стань слугою ей,
А властвуй – лишь над волею своей.
И обладай решительности даром:
Коль обрубать –
Руби одним ударом.

6
Счастливого пути, сынок!
Не на пороге
Дают мужчинам цену,
А в дороге.
Найди все мудрые слова
Пред спорщиком суровым,
Чтоб победить ею сперва
Не силою, а словом.
А уж придется в драке быть –
Дерись, чтоб – вон из кожи!
Ведь дважды голову срубить
Тебе никто не сможет.

7
Счастливого пути, сынок!
Не на пороге
Дают мужчинам цену,
А в дороге.
Где б ни сошел с коня ты –
Не забудь,
Откуда начинал
Свой долгий путь.
Тебе протянет руку новый друг,
Но никогда не забывай тех рук,
Что скакуна седлали твоего,
И хлеб в твои хурджины положили,
Водой поили, преданно служили,
Не попросив – в отдачу – ничего.

8
Счастливого пути, сынок!
Не на пороге
Дают мужчинам цену,
А в дороге.
Вступай смелее в жизненное море,

И познавай – где правда, а где ложь.
Ты скоро сам увидишь и поймешь:
Цвет сахара подобен цвету соли.
И соль и сахар сам вкуси без страха,
Не полагайся только на молву.
Ты будешь лучше знать – где соль, где сахар,
Когда возьмешься вдруг варить халву.

9

Счастливого пути, сынок!
Не на пороге
Дают мужчинам цену,
А в дороге.
Хочу, чтоб ты всегда ценил огонь,
Как ценит путник в рубище холодном.
Хочу, чтоб бережливо на ладонь
Брал хлеб, как может брать его
Голодный.
Хочу, чтоб дымом над вязанкой дров,
И теплым хлебом – запахом медовым
Тебе был вечно дорог отчий кров,
Как будто ты вот вот вернулся к дому.

10

Счастливого пути, сынок!
Не на пороге
Дают мужчинам цену,
А в дороге.
Как высоко ты б не взлетел –
Отныне
Не забывай вовеки
Три святыни:
Грудь матери, вскормившую тебя,
И руку друга – в годы грозовые,
И губы, целовавшие любя
Тебя,
Когда ты сам любил впервые.

11

Счастливого пути, сынок!
Не на пороге
Дают мужчинам цену,

А в дороге.
Но, совершая даже легкий путь,
Перед другими выскочкой не будь.
Ведь выскочка изгадит всю дорогу.
В нем пользы мало, только пыли много.
Однако и в хвосте плестись – что толку?
Отставший беззащитен перед волком.

12

Счастливого пути, сынок!
Не на пороге
Дают мужчинам цену,
А в дороге.
Тебе счастливым быть желаю я,
Коль счастливы и все твои друзья.
Ты должен досыта поесть тогда лишь,
Когда не голоден и твой товарищ.
А после дел нелегких отдохни,
Коль рядом отдыхают и они.
Пусть знаком дружбы будет твое имя.
И пусть щедрее будет в миг любой
Твое крыло распахнуто над ними,
Чем их крыло простерто над тобой.

13

Счастливого пути, сынок!
Не на пороге
Дают мужчинам цену,
А в дороге.
Средь горцев поговорка не забыта,
Рожденная еще в былые дни:
Чтоб выбрать лошадь – осмотри копыта,
Чтоб друга выбрать – в сердце загляни.
Запомни эту мудрость,
А коль скоро
Запомнил, –
Вот тебе еще одна:
Не поднимайся в гору,
У которой
Вершина даже утром не видна.

Все мудрости в дороге пригодятся;

Запоминай и третью заодно:
Не забирайся в озеро купаться,
Когда не знаешь – глубоко ль оно.

И наконец, последний мой совет:
Ты не один на свете проживаешь, –
Не делай для других людей вовек
Того, чего себе не пожелаешь.

14

Счастливого пути, сынок!
Не на пороге
Дают мужчинам цену,
А в дороге.

Не жди, что в жизни будет каждый год
И каждый день – отрадой и наградой.
Несчастьем может обернуться радость.
Закатом завершается восход.

Но как бы жизнь за горло ни брала,
Ты стойким будь перед бедою черной.
И голову не вешай обреченно,
Как ни были б горьки твои дела.
Орел, парящий в солнечной лазури, –
Прекрасен.
Но стократ прекрасней он,
Когда встречает бурю.

Опален
Огнем грозы –
Он побеждает бурю.
И вспомни, как весной бурлит река,
Смывая грязь и все вокруг заполнив,
А в летний – солнцем озаренный – полдень
Она спокойна и неглубока.
Хочу, чтоб ты орлом был в час беды,
Достойным восхищенья и награды,
Чтоб на пути, как тот поток воды,
Смывал всю грязь, все камни, все преграды!

Фазу Алиева
Дагестанские притчи и тосты
От автора

Горская свадьба – это не только место, где собираются, чтобы поздравить молодоженов и повеселиться. Это одновременно собрание, где люди, провозглашая тосты, стараются блеснуть красноречием и мудростью. Тосты бывают разные, сила их в краткости и ясности, поэтому сразу же, поднимая первый бокал и открывая свадебный пир, тамада почти всегда дает понять, что говорить надо коротко и умно. Но самому нельзя слишком укорачивать свою речь. Тамада – самое ответственное лицо свадьбы. Он должен видеть все и слышать все и при этом не забывать произносить задравные тосты. Тамада следит, как бы не появилась «трещина», не вспыхнула бы ссора. Осторожно направляет он речку многословия в берега. В сердце загрустившего вливает веселье.

Пока сам тамада не поднимет первого тоста, никто не имеет права пробовать вино. Все ждут знака тамады. В руках у тамады бычий рог. Но тамада обычно не спешит; он начинает издали: «Вот, друзья, у меня в руках бычий рог. Раньше говорили, что земля стоит, опершись на него. Если хорошенько подумать, это правда: разве не трудом быка наши предки вспахивали землю, а земля отдавала нам силу жизни – хлеб. А мир держится на хлебе. Бык, наверное, не раз давал этим рогом отпор врагу, не раз, радуясь своему труду, копался этим рогом в свежей земле. Теперь я держу его в своих руках, он наполнен красным вином, в нем сок земли и жар солнца. Я хочу, чтоб каждый из вас, держа рог в руках, чувствовал себя так, будто земля опирается на него и будто от любой оплошности каждого из нас земля потеряет равновесие. Итак, друзья, мы в ответе не только за свадебный стол, но и за весь мир».

Первые тосты почти всегда бывают наиболее короткими, но целеустремленными, как стрела, выпущенная после долгого и меткого прицела. А по мере того как опустошаются бокалы, появляется охота к многословию. Одни умудряются разнообразить тосты, обычно рассказав какую-нибудь притчу перед тостом, другие, выслушав столько мудростей из уст других, чувствуют себя бессильными и произносят самый короткий тост: «За сказанное!» Застолье в горах бывает не только по случаю свадьбы сына, но и в день его рождения, и в день, когда он без сопровождения старших самостоятельно отправляется в путь, и в день, когда он впервые уходит на работу. А день рождения дочери считался несчастливым. Поэтому не было и тостов по случаю рождения дочери. Но когда дочь уходила в чужой дом, собирались старейшие женщины и родственницы и за блюдом халвы желали ей благополучия. Раньше чужой дом для невесты считался «раскаленной

жаровней». По дочке, какая она терпеливая, трудолюбивая, покорная, преданная, давали оценку ее родителям, более того, если она покажет себя с плохой стороны, то это бросало тень и на ее незамужних сестер, и они долго оставались в девушках. Если старшая сестра сразу же умела показать себя трудолюбивой и терпеливой, то и судьбы младших сестер устраивались лучше. Провожая дочку в чужой дом, мать ей говорила:

«Если тебе в доме мужа придется проглотить ветвистое дерево, проглоти его так, чтобы даже свекруха не увидела слез в твоих глазах. Если тебе придется выпить реку одним глотком, выпей так, чтобы муж даже не слышал стога твоего». Нынешнему читателю могут показаться слишком навязчивыми мотивы безропотного послушания, унижительной покорности, даже, раболепия перед мужем, которые звучат в напутствиях дочерям невестам. Но что поделать? Так было – ведь я беру эти тосты из прежних времен.

Нынче, конечно же, судьба женщин, девушек дочерей у нас в Дагестане неузнаваемо изменилась. Женщины стали большой общественной силой в нашей республике. Молодые соединяют теперь свои жизни по взаимной любви, молодожены чувствуют себя равными в браке, все чаще звучат в Дагестане, в его аулах комсомольские свадьбы.

Я очень люблю горские свадьбы не только потому, что я люблю танцевать, а потому, что здесь бывает мобилизована вся мудрость людей. Люблю эти красивые и мудрые обряды. Когда невеста входит в дом жениха, ее встречает мать его и еще на пороге кладет ей в рот полную ложку пчелиного меда:

«Пусть тебе в нашем доме
Будет всю жизнь так же сладко,
как сладок этот мед.
И желание трудиться
Будет у тебя такое же, как летом у пчел».

Подруги подводят невесту к жениху, одна держит в руках зеркало, другая – зажженный факел; отражаясь в зеркале, он светится, словно солнце. Третья несет в руках водою наполненный кувшин и приговаривает: «Примите в дом солнце, огонь и воду». Лицо невесты бывает покрыто белым шелковым платком – гурмендо (фатой).

На другой день после брачной ночи самый близкий друг жениха по обычаю открывает ее лицо, поднимая с лица гурмендо, и при этом дарит ей подарки и произносит тост.

На третий день опять собираются близкие и друзья. Невесте вручают «сердце дома» – ее подводят к очагу, она должна первый раз в доме мужа зажечь огонь в очаге, мать мужа дарит ей подарок: или бросает около очага к ее ногам ковер, или вручает ей новую медную большую кастрюлю. Блюдо,

приготовленное невестой, пробуют все собравшиеся и произносят тосты, шутят, мол, такого блюда никогда не пробовали.

На пятый день мать мужа собирает всех подруг своей невестки. Они должны сопровождать ее в первый раз из дома мужа по воду. Все они бывают празднично одеты, и смотреть на них выходят все аульчане. Этому придается большое значение. Мать жениха готовит и раздает халву, в доме опять собираются мужчины, и кувшин, полный воды, который принесла невеста, передается из рук в руки и каждый пьет и говорит свое пожелание.

Я много ездила по горным аулам, годами собирала в свои сердечные хурджиныуслышанное. Конечно, тосты, собранные в этой книге, – старинные, они не отражают сегодняшнюю новь жизни народов Дагестана, но они несут в себе нравственную древнюю мудрость людей, передаются из уст в уста, от поколения к поколению.

В данное издание включено много и новых тостов, преимущественно о любви и о женщине, ведь не мало раз приходилось мне после выхода первого издания тостов бывать на свадьбах, где теперь и женщины сидят рядом с мужчинами за одним столом и не только слушают прекрасные речи, адресованные им, но и сами говорят такие мудрости, что бывалые ораторы слушают их с восхищением.

И еще я посчитала целесообразным включить в книгу две поэмы – «Восемнадцатая весна» и «Орлы слетают с гор», посвященные конкретным личностям, сыновьям гор, как бы олицетворявшим собою в жизни мужество и преданность Родине, к чему всегда звала их горская мудрость.

Тосты, притчи, напутственные восьмистишия переведены на русский язык рифмованным стихом. Мне представляется важным, что Владимир Туркин, переводя аварские тексты, сохранил в них, с одной стороны, высокий стиль торжественности, а с другой – свободные речевые, разговорные интонации, свойственные этим тостам и притчам, не «заакадемизировал» их, а придал им характер некоторой языковой обытовленности и простоты, поскольку они взяты из устного обихода.

* * *

Вступая в должность тамады
За этим свадебным столом,
Я пью за то, чтобы ваш дом
Был славен миром и трудом, –
За счастье и веселье в нем.

Наполнен мой бокал вином,
Оно – как сок Земли.
Оно –

Как Солнце.
В нем растворено
Чудотворящее зерно
Преображения.
Старик,
Испив его,
Пусть в тот же миг
Предстанет юным среди нас.
А тот, кто молод в этот час,
Пусть будет мудр, как аксакал.
Для славных девушек
Бокал
Вот этой влаги золотой
Пусть обернется красотой.
Мужчинам пусть добавит воли
И быть отважными велит.
Пусть оно все ваши боли
И все недуги исцелит.

А коль в душе у вас усталость,
То хватит и глотка вина,
Чтоб снять усталость.
Чтоб они
Воспоминаньем лишь осталась.

А коль у нас на сердце зло,
Пусть вас глоток вина согреет,
И станет на душе тепло,
И сердце ваше подobreет.

А если в вас любовь пока
Лишь робкой искрой зажжена, –
Глоток кипучего вина –
И вспыхнет пламенем она.

Но, кажется, пора и мне
Знать честь:
Разговорился очень.
Веревку ценят – по длине,
А речь тем лучше, чем короче.

Пора и выпить.

В добрый час!
За всех друзей!
За всех за вас!

Притча первая

Друзья,
Чем старше я, тем дольше
И бережливее храню
Все притчи деда.
Вы позвольте –
Я тост свой притчей заменю.

Был у хунзахского хана
Излюбленный метод казни:
Он отправлял обвиненных
На очень высокую гору
И там оставлял обнаженных.
Ночью, зимой ли метельной
Выдержать пытки холодной
Полчаса даже не мог
Тот, кто был жертвою хана.
Он обречен был на гибель.
И были два горца – два друга,
Которые, словно две речки,
Сливающиеся в одну,
Верны были дружбе своей.
Когда же один из друзей
Стал жертвою хана –
Другому
Надежды совсем не осталось,
Чтоб другу помочь.
Но, однако,
Была оговорка у хана,
Что если на гору взошедший
Преступник
К рассвету еще не замерзнет,
Останется жив, –
То простит он,
Простит он несчастного горца...
И вот, когда жертву раздели
И повели на вершину, –
«Крепись! – ему друг его крикнул, –

Крепись! На горе, что напротив,
Костер разожгу я. Крепись же!»
И оба на горы взошли.
И голый, замерзший, несчастный
Увидел вдали – на вершине –
Горящий костер,
И надежда
Теплом его тело согрела.
Гора ледяная была. И ветрами
Она обдувалась.
Но помнил он друга,
Который спасает его хоть надеждой.
И вспомнил очаг того друга,
Где он согревался не раз,
Бокалы с вином, что он выпил
С товарищем верным своим,
И тепло становилось ему.
Всю ночь он стоял на горе.
И всю ночь – ни на час –
Костер, что напротив, не гас.
А утром простил свою жертву
Смирившийся хан.
И горец вернулся домой,
Только дружбой спасенный.
Понравилась притча иль нет –
Я не знаю.
Но я предлагаю свой тост
За дружбу!
Пускай она будет меж нами,
Как души связующий мост.

* * *

Еще, сынок, хочу сказать тебе,
Чтоб дорожил заслуженною славой,
Она в труде дается и в борьбе,
А потерять ее не трудно, право.
Коль ты – река, то слава с пеной схожа,
Недолговечной, хоть и молодой.
Один набег волны неосторожной –
И пены нет. Лишь брызги над водой.

* * *

Нет счастья большего заблудшему в пути,
Чем огонек увидеть у дороги.
Тогда с души слетают все тревоги
И вновь легко становится идти.

Расти, мой сын, на огонек похожим,
Пускай, в дороге заблудившись, тот,
Отчаяньем измученный прохожий,
Тебя заметив, веру обретет.

* * *

Пусть оба глаза сына вашего
Глядят всюду на белый свет.
И видит все. И не спрашивают,
Что нужно видеть, а что нет.

Пусть оба уха сына вашего
Открыто слушают весь свет.
И слышат все. И не спрашивают,
Что нужно слышать, а что нет.

И только губы скажут вслух
Не все, что с языка сорвется,
А то, что пользой обернется
Для дела и людей вокруг.

* * *

Пусть будет быстрым он, как птица,
Со взором горного орла,
С усами – пышною пшеницей, –
Чтоб в них однажды заблудиться
Коза иль козочка смогла.

Пусть по велению Отчизны
Рванется в бой, как с гор поток,
И держит сердце, как цветок,
Распахнутый навстречу жизни.

* * *

Пускай он, как бы ни был сдержан,
И как бы к жизни ни привык,

Умеет плакать об умерших
И радоваться за живых.

И, выверяя путь свой – так ли? –
Пусть образ ваш в груди несет,
И высоту отцовской сакли
Берет в основу всех высот.

Притча вторая

Счастливого пути, сынок!
Не на пороге
Дают мужчинам цену
А в дороге.
И я тебя в дорогу провожу,
Но прежде... Прежде притчу расскажу.

Жил, говорят, орел в горах высоких.
Его ценили – он ведь был орел.
Но вот ему однажды показалось,
Что где то там, в чужой стране,
Где нет орлов, – его получше
Оценят и больше славы воздадут.
И улетел орел. И там попал
Он в руки скряге одному,
Который вмиг подумал: «О, какая
Большая курица досталась мне!
Она, наверно,
Снесет яйцо большое для меня!»
И привязал к курятнику орла,
И горсть зерна швырнул ему.
Но ведь орлу зерно то ни к чему,
Не ест орел. «Наверное, ему
Мешает клюв!» – подумал скряга
И отпилил кривой орлиный клюв.
Но все ж орел не ест.
«Наверное, ему, – подумал скряга, –
Мешают когти...»
Когти отпилил.
Орел рванулся, оборвал веревку
И улетел к своим. Но не признали
В родном краю орла.
Какой же он орел –

Без клюва и когтей?..

К чему, сынок, я вспомнил притчу эту
И рассказал сейчас?

А вот к чему:

Не лезь туда, где ни своим советом,
Ни делом – ты не нужен никому.
Не будь пустым тщеславием ведомым,
Дорогу с толком выбирай свою.
Ведь лучше быть чарыками, но дома,
Чем слыть папахой, но в чужом краю.

* * *

Пусть щедро жизнь его течет.
Пускай он людям будет нужен.
Пусть сто друзей ему не в счет,
И пусть он жаждет новой дружбы.

А враг... Когда один из тыщи
Завраждовал бы с ним к беде, –
Пусть и тогда он способ ищет,
Чтобы найти конец вражде.

И этой страстью к дружелюбью
Пусть в нем руководит не страх,
А чистота, которой люди
И реки славятся в горах.

* * *

Пускай ваш сын не видом важным
Прославится среди людей,
А тем, что всех скупых сограждан
Затмит он добротой своей.

Но главным жизненным условием
Считает заповедь себе, –
Что лучше захлебнуться кровью,
Чем уступить врагу в борьбе.

* * *

Пусть он друзьям отдаст и разум
И вдохновение свое.

Пусть дружбу бережет, как вазу,
И пусть не разобьет ее.

И если друг ошибся в чем то –
Пусть не осудит: не беда.
Себе ж и малого просчета
Пусть не прощает никогда

* * *

У нас в горах давно считают деды,
Что слово – это лестница.
По ней
Восходят прямо к голове твоей
То радости,
То горечи и беды.
Теперь вот и подумай хорошенько,
Пред тем, как вслух сказать и «а» и «б»,
Что ты кладешь на каждую ступеньку,
Или, точней: на голову себе.

* * *

С одним поленом
В очаге
Не разведешь огонь.
С одной рукою
Не ударить
Ладонью о ладонь.

С одной ногой
Не выйдешь в пляс,
В игре не пошалишь.
А хорошо ль, когда у нас
Всего один малыш?

Новорожденному, друзья,
Не скучно ль одному?!
Свой тост провозглашаю я
За братика – ему!

Притча третья

Счастливого пути, сынок!

Запомни, люди
Ничто не ценят так,
Как трудолюбье.
Вот слушай притчу:

Жил был сын лентяй –
На шее своего отца сидел
Он много лет. И вот отец
Сказал ему однажды: «Слушай, сын,
Иди и заработай сам на хлеб!»
Загоревал лентяй. Да мама
Над сыном сжалилась
И денег дала ему. Под вечер
Сын деньги эти показал отцу:
Мол, вот, смотри, я заработал сам!
Отец – догадлив был – взял деньги,
Швырнул в огонь. Они сгорели.
А сын смолчал.
И в следующий раз
Мать снова сыну деньги отдала,
И вновь отец их сжег,
А сын смолчал.
И так уже не первый раз случилось.
Тут даже мать теперь засуетилась:
Ведь деньги жалко – попусту горят.
Пошел работать сын. А к ночи
Вернулся – деньги отдает отцу.
Отец опять в огонь их бросить хочет, –
Но сын как крикнет:
«Погоди, отец! Ведь эти деньги
Я честно заработал, вот смотри!»
И протянул отцу свои ладони.
На них мозоли были...
Вот тогда
Отец сказал: «Теперь я верю,
Ты честно заработал эти деньги,
Как я их зарабатывал всегда».

Вот притча и окончена.
Наверно,
Ты согласишься, мол, к чему я речь веду.
Хочу, сынок мой, чтоб ты понял цену

И трудовой копейке и труду.

* * *

Пусть он не знает лжи и лицемерья,
Не пряча глаз, глядит в лицо врагу.
Пусть благодарным словом и доверьем
Отмечен будет в дружеском кругу.

Пусть знает – чей очаг его согреет,
За чьим столом поднять заздравный рог,
С кем поделиться тайною своею,
На чей ступить иль не ступить порог.

* * *

Пусть будет он в труде проворен,
Но – и на свадьбу приглашен –
В закусках, в винах, в разговоре
Пусть будет тоже искушён.

И в танце быть ему примерным...
Но главное – иметь в виду,
Чтоб успевал он там быть первым,
Где человек попал в беду.

Притча четвертая

Притча есть такая,
Что однажды
Путник шел по горному ущелью
И увидел вдруг: в саду старик
Дерево сажает. Старику же
Больше, чем сто лет, наверно, было.
Удивился путник и спросил:
– Сколько ж лет скажи, отец, пройдет,
Прежде чем та косточка, что в землю
Посадил ты, – плод свой принесет?
Отвечал старик: – Ты прав, конечно,
Двадцать лет пройдет – никак не меньше,
Прежде, чем появятся плоды.
Я не доживу, пускай другие
Их съедят, как я питаюсь ныне
Тем, что еще предок посадил.

Предлагаю тост за старика я,
Чтоб его завет в веках не гас,
Чтобы щедрость именно такая
Отличала каждого из нас.

* * *

Хотя не всяких слов звучанье
Всегда таит в себе добро, –
Пусть сын ваш золоту молчанья
Предпочитает серебро, –

Уменье править словом трудным:
Охватывая даль времен,
Молчать, коль выступает мудрый,
И говорить, коль сам умен.

Притча пятая

Есть притча горская о том,
Что раз на свадьбу
Собрался юноша. Отец сказал ему:
«Смотри, сынок, не вздумай сесть за стол
Пока тебя к столу не пригласили, –
Знай свое место там, среди гостей.
И на вопросы тех, кто за столом,
Не отвечай бездумно. Будь разумен».

Пришел на свадьбу сын. Забыл о том,
Чему учил его отец. И сел
На место для почтенных стариков.
Вот гости, собираясь, входят в дом,
Почетных приглашают в центр стола,
А юношу все дальше оттесняют,
И оттеснили – к самому углу,
На край стола, почти что на порог.
Вы думаете, юноша извлек
Из этого какойнибудь урок?
Нет – ничего подобного. Когда
Расселись гости, вдруг услышал он,
Как на другом конце стола один
Сосед спросил другого: «Слушай,
А нет ли у тебя ножа?» Тогда

Поднялся юноша и крикнул через стол:
«Вот, у меня есть нож!» И протянул
Он нож, который накануне подобрал
На улице, не зная, что убийце
Принадлежал тот злополучный нож...

О, сколько ж раз пришлось ему ходить
К судье, чтоб доказать свою
К убийству непричастность... Так теперь
За глупость головы платили ноги.

Прошу – примите пожеланье тост:
Народным дорожите этикетом
И на не обращенный к вам вопрос
Не лезьте с необдуманным ответом.

* * *

Бывает, зло тебе бросает вызов.
Бывает, торжествует мразь и грязь.
Посмотришь – масло опустилось книзу,
А сыворотка – кверху поднялась.

Бывает так с хорошим человеком:
Умен, и чист, и благороден он.
А вот – живет, ни дружеским приветом,
Ни славой, ни людьми не окружен.

Бывает – заурядный человек,
Сам по себе не значит ничего,
И выделить его из прочих нечем,
А люди вьются около него.

И все ж хочу, чтоб вера не погасла
В победу правды.
На своем веку
Увидишь, сын мой,
Как собьется масло,
Со дна всплывет.
И будет наверху.

* * *

Запомни, сын мой,

Как бы ни был длинен
Твой путь по жизни, –
До последних дней
Через года – во всей судьбе твоей
Останутся лишь две святых святыни.

Их имя – Мать и Родина.
Они –
Начало всех начал твоих высоких,
В час праздника иль в час беды жестокой
Ты перед ними голову склони.

На Родине ты сам в себе уверен,
Могуч и прочен, полон жажды жить,
Все, что задумал и свершить намерен,
Тебе поможет Родина свершить.

Лишь в отчем доме, лишь в родном краю,
Лишь в городе родном, в родном селеньи
Остудят материнские колени
Твою усталость и печаль твою.
И начиная путь свой,
И итожа
Успехи и потери,
Помни, сын,
Что ничего на свете быть не может
Страшней потери
Этих
Двух
Святынь.

* * *

Запомни, сын мой,
Что любовь – одна.
Единственно – одна,
Пока не ложна.
Она лишь солнцу может быть равна.
Двум солнцам жить на небе невозможно.
Пускай она затмит все пустяки,
Все мелкое вокруг себя заслонит,
Как солнце, восходя из за реки
Стирает свет звезды на небосклоне.

Владей и управляй страстями сам.
Коварные, как ветер в непогоду,
Они то наполняют паруса.
То рвут их, опрокидывая в воду.

* * *

Запомни, сын мой:
В жизни много бед.
Ее уроки и мудры и строги.
И все ж, наверно, злей несчастья нет,
Чем вдруг да оказаться без дороги.

Дорога –
Под камнями ль, под песком,
Прямая иль кривая, –
Все ж дороже

Покрытого печалью и тоской,
Бесцельного,
Пустого
Бездорожья.

* * *

Как, сын мой, твое имя ни звучало б,
К каким высотам ни поднялся б ты, –
Запомни, что тропа берет начало
С земли,
С низины,
А не с высоты.
И, устремив свой взор к вершинам гор,
Ты все же опускай его к дороге,
А то, споткнувшись, поломаешь ноги
О камень иль какой-нибудь бугор.

Еще, мой сын, напутствие одно:
Не ставь амбар, чтобы хранить зерно
На высшей точке гор.
Ведь все равно,
Как ты не береги его, –
Оно
Мгновенно будет ветром сметено.

1

Запомни, сын:
Когда еще мятежна
Душа твоя,
Когда еще она
Не к будничной земле устремлена,
А чаще – к небу, к синеве безбрежной,
Когда еще в порыве ты,
Когда,
Презрен и осторожность, и сомненья,
Ты весь летишь на крыльях вдохновенья,
Бурля, как родниковая вода, –
Ты, разум самомненьем ослепя,
Вдруг станешь ждать торжественного мига,
Чтобы весь мир равнялся на тебя...
Нет, сам ты должен приобщиться к миру
И ладить с ним.
Не тешь себя обманом.
Ветрами от рождения земли
Повелевать не могут корабли.
Ветрами управляют океаны.

2

Запомни, сын:
Большие корабли
На берегу не гибнут, как скорлупки,
А гибнут в море – от земли вдали,
С взметенным флагом,
с капитаном – в рубке.

Так и мужчина, –
Если над страной
Зажжется смертоносная гроза, –
Не на перине,
А на поле боя
В последний раз закроет он глаза.
Названия погибших кораблей
Уйдут к другим, –
Что заново построят

А именем прославленных героев
Дочурок назовут и сыновей.
И я от всей души хочу, мой сын,
Чтоб ты делами долгими своими,
Из жизни уходя,
Не уносил,
А обессмертил
Образ свой и имя.

* * *

Ты знаешь, сын, есть золото молчанья.
Но есть еще и слова серебро.
Хочу, чтоб ты не спутал их случайно:
Что зло из них, а что из них добро.
Я думаю, что жизнь тебя научит
Неписаному правилу сама:
Сказать иль промолчать?
Как будет лучше?
И выбор твой – свидетельство ума.
Здесь все должно быть честно, а не ложно,
Душою покривишь, считай, сынок,
Ты в поединке дал врагу возможность
Из ножен первым вытащить клинок.

* * *

Итак, мой сын, ты расстаешься с детством,
Не забывай о важном и святом, –
Не бойся рук своих запачкать честным,
Любым,
Полезным для людей
Трудом.
Лишь одного желаю в этот день я, –
Чтоб в долгой жизни до последних дней
Позорным и бессмысленным бездельем
Не загрязнил ты совести своей.
И не считай, что поздно или рано
Спасительная вдруг придет вода.
Да вылей на себя хоть океаны,
А грязь с души не смоешь никогда.

* * *

Будь верным, сын мой, сказанному слову.

Коль ты сказал: «Приобрету коня!»,
А кто то, твое слово отклони,
Сулит тебе красивую подкову, –
Не обольщайся.
Не забудь о том,
К чему стремился. Твердым будь, как камень.
Ищи коня! Подкову ты потом
И собственными сделаешь руками.

Притча шестая

Запомни, сын мой, есть такой порок:
«Упрямство» – имя этому пороку.
Послушай притчу – пригодится к сроку
Сокрутый в притче мудрости урок.

Жил был петух. Упрямый был петух.
Увидев как то камушек обычный
И спутав его с зернышком пшеничным,
Он расклевать его решился вдруг.

Поссорился со всеми петухами.
Ему кричат: «Ведь это не зерно!
Остановись!»
А он твердит одно:
«Зерно! Зерно!»
И клювом бьет о камень...

Ему кричат: «Одумайся, чудака!
Остепенись!»
А он глаза закроеет –
И все долбит, долбит, долбит...
Да так,
Что клюв сломал и лоб разбил до крови...
...Теперь, когда ты с притчей сам знаком, –
Не опускайся до стыда и срама.
Не окажись подобным петухом.
Упорным будь.
Не становись упрямым.

* * *

Пусть, сын мой, светлым сложится твой путь.
К удачам и успехам будь причастен.
Везучим будь. Во всем счастливым будь.

Но только – не захлебывайся счастьем.

Ведь соловей, когда поет, то он
Опасно ослеплен и опьянен...
А если б оглянулся хоть немножко, –
Заметил,
Что к нему крадется кошка.

* * *

Еще один наказ запомни, сын мой:
Умей со смыслом дело выбирать.
И без толку не трать свои усилья,
И попусту усердия не трать.

Что проку будет от твоей работы,
Коль ты, благим намереньем горя,
Орла возьмешься обучать полету
Иль плаванью ерша и пескаря.

Ты лучше приложи свои усилья,
Чтоб кто то, смятый горем и тоской,
Вдруг ощутил подъем, расправил крылья,
Вернул себе и стойкость, и покой.

ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ

---

*Родина!
Скаж и мне, кт о впервые
Научил меня любви т акой,
Кт о вписал мне в сердце т вое имя,
Чт об всегда ст учало под рукой?*

Фазу Алиева

Слово о Родине

Все то, что нашу жизнь с рожденья окружает,
По-разному любовь и радость выражает:
Вот осень щедрая стучится у ворот –
Колосьев и плодов корзину к нам несет.

Вот пронеслась зима – пора седых метелей,
Ручьи, сбегая с гор, псалмы весне запели,
И жаворонок взмыл, – посева пробудив,
Над полем зазвенел заливистый мотив...
Да, все, что небеса и землю украшает,
По-своему любовь и радость выражает:
Фиалка – запахом, тюльпан – живым огнем,
Снег – жгучим холодом, а солнце – жарким днем,
Гроза – дождем, река – волной, звезда – лучами,
Сады – плодами, луг – цветами, льды – ручьями,
Лес – переключками неугомонных птах,
Заря – знаменами на тучах и хребтах...
А я свою любовь – любовь к родному краю –
Всей радугою чувств и мыслей выражаю:
Улыбкой, нежностью, надеждой, добротой,
Стихами звонкими, восторгом и тоской.
И всем, что на душе – мечтой, слезой, строкою –
Делюсь, как с матерью, с родной моей страной
И с пылкой радостью в глаза взираю ей,
Провидя красоту и мощь грядущих дней...
Но если грянет гром над мирною долиной,
Все силы соберу в груди моей орлиной
И, преграждая путь смертельному огню,
Отчизна, твой рубеж собою заслону!

Снова вижу я родные горы

Снова вижу я родные горы
И в низинах мелкие селенья,
И луга, пышнее нет которых,
Мне знакомы с самого рожденья.

Утром здесь коров я провожала,
Вечером встречать их выходила,
Здесь белье на речке полоскала,
А потом на солнышке сушила.

Снова вижу я пещеру Мархи –
Волчья пасть схватить добычу хочет,
Здесь столетья под тяжелой аркой
Голубые воды камни точат.

Родина фонтанов родниковых...
Я сюда с кувшином прибежала,
Я б его, помятого, кривого,
На другой вовек не променяла.

От воды твоей сводило зубы,
Дай, как прежде, испытать мне жажду, –
К ста кувшинам припадали губы,
Но такой воды не встретишь дважды.

Разбрелись ягнята по лужайке...
Где же ты, ягненок мой веселый?
Почему ты не бежишь к хозяйке
И на мой не отвечаешь голос?

Или вырос, или постарел ты?
Или кто-то в сырости кладовки
Тушку возле бочек и тарелок
К потолку подвесил на веревке?

...И, родимых мест не узнавая,
Я смущенно тру глаза рукою.
Глиняные домики сметая,
Новый клуб поднялся над рекою.

Отчий дом, откуда светлым утром
Я ушла когда-то в мир открытый,
Возле зданий новых он – как будто
На лице красивом глаз подбитый.

Нет вкуснее маминого хлеба
И воды, что здесь я зачерпнула.
О село мое – родное небо,
Дочь твоя опять к тебе вернулась!

***

Любовь – она бывает разной.

Бывает отблеском на льду.

Бывает болью неотвязной

Бывает яблоней в цвету

Бывает вихрем и полетом

Бывает цепью и тюрьмой...

Мы ей покоем и работой,

И жизнью жертвуем самой!

Но есть еще любовь такая,

Что незаметно подойдет

И поднимая, помогая,

Тебя сквозь годы поведет.

И будет до последних дней

Душой и совестью твоей

Когда бы знать.

Никто не знает дня, когда уйдёт.

Никто его не знает и не ждёт...

Быть может, в этом мудрость бытия –

Живи, пока не рвётся нить твоя!

Но если б знать... О, если б знать, Когда

Покинет небосвод твоя звезда,—

Как мы спешили бы объять всё то,

Чего нам не вернёт уже никто!

Какие бы открылись нам миры,

Как были бы с друзьями мы щедры,
Как берегли бы миг, и день, и час,
Что от могилы отделяет нас!

В неведеньи – и счастье и порок,
Мы забываем, что отмерен срок
Меж первым криком и последним днём...
МЫ СЛИШКОМ РАСТОЧИТЕЛЬНО ЖИВЕМ!

Строки любви

Моря мелеют и сохнут,
Ветшают и рушатся горы,
За тысячи тысячелетий
Меняется лик планеты.
Крошатся дворцы и храмы,
В песках погибают царства,
И даже галактики гибнут
В космических катастрофах...
Но все-таки есть на свете
Незыблемое, святое –
Такое, что в памяти неба
Навек я запечатлела:
То несколько строк правдивых
О нашей любви счастливой,
Ибо любовь долговечней
Всех гор, морей и созвездий.

Я люблю

Когда б я знала сотни языков –
Все языки народов Дагестана,
Мне все равно бы не хватило слов...
Но воспевать тебя, аул, я стану!

Люблю я твой заоблачный рассвет,
Люблю твои багряные закаты,
И слушать я могу десятки лет,

Как плачут на заре твои ягнята.

Снежок последний, мелкий колкий град,
Шум тракторов, разбередивших землю,
Ростки в полях и яблоневый сад,
Что, почки завязав, весною дремлет.

Люблю твои высокие хлеба,
Крупноголовый колос с тонким станом,
Люблю твои шумливые хлева
И радостное бляенье баранов.

Вот все вокруг меняет вид и цвет:
Бобы в стручках, в густой земле картошка.
Лишь ночь настанет – сразу же рассвет,
И солнышко уже стучит в окошко.

В твоих горах студёные ключи,
Они похожи на глаза аварца,
В них даже летом палец намочи –
И цепкий холод не отпустит пальца.

Люблю твои осенние дожди
И небо, опустившееся ниже,
Скирды венками на земной груди
И вымпелы, скрипящие на крыше.

А первый снег, и на снегу – следы!
И первый снег, и новые заботы!
Он тонким слоем брошен на скирды,
Как белый тюль невиданной работы.

Мне нравится сидеть по вечерам
И ткать ковры, катать из шерсти бурки,
Чтоб с песней расходиться по утрам,
Вздохматив снег лезгинкой нашей бурной,

То слушать мудрость сморщенных старух,
То смех девчат в тумане предрассветном
И повторять порой, забывшись, вслух,
Что я люблю аул мой неприметный.

Вдруг свет погас. И тьма раскрыла пасть,
Чтоб на меня и на весь мир напасть.
Но кто-то спичку тонкую зажег
И высветил вокруг себя кружок.
И малый огонек в секунду ту
Всесильную осилил темноту.
Есть даже в спичке очень яркий свет,
Когда вокруг большого света нет.

Вдруг тучи, и тучи, и тучи вокруг.
Неласковым небо становится вдруг.
Но гром отгремит, отозлится гроза
И дождь... И веселое небо – в глаза.

Не так ли мы – разругаемся вдруг, –
И тучи, и тучи, и тучи вокруг.
Но гром отгремит, дождь прольется, и вновь,
Как небо, очищена наша любовь.

Весь мир я в любви растворила твоей –
В любви, что похожа на горный ручей,
Ведь чистой водой, родниковой водой,
Мой друг, не напишешь и буквы одной.

Чтоб строки мои стали ярче, видней,
Все чувства в любви растворяю твоей, –
Вот так акварель растворяют сперва,
Чтоб стала способною на волшебства.

Готовы тончайшие краски любви –
Смешала я чувства мои и твои,
Теперь неподдельные строки вписать
Могу я в заветную нашу тетрадь.

Несчетны любви колдовские цвета –
Надежда, тоска, слезы, радость, мечта,
И строк о любви многоцветную сеть
Из памяти жизни теперь не стереть.

Весь мир я в любви растворила твоей –
В любви, что похожа на горный ручей,

Как радуга, в ней раствориться спешу
И радугой этой про нас напишу.

Взросшая у леса на краю,
Хвалясь, береза всем другим кричала,
Что от нее весь лес берет начало,
И верила в ту похвальбу свою.
Наверное, она еще не знает:
Не будет лесу никогда конца.
Сруби ее совсем – он просто станет
С другого начинаться деревца.

Вступай смелее в жизненное море
И познавай – где правда, а где ложь.
Ты скоро сам увидишь и поймешь:
Цвет сахара подобен цвету соли.
И соль и сахар сам вкуси без страха,
Не полагайся только на молву.
Ты будешь лучше знать – где соль, где сахар,
Когда возьмешься вдруг варить халву.

Запомни, сын мой,
Как бы ни был длинен
Твой путь по жизни, –
До последних дней
Через года – во всей судьбе твоей
Останутся лишь две святых святыни.
Их имя – Мать и Родина.
Они –
Начало всех начал твоих высоких,
В час праздника иль в час беды жестокой
Ты перед ними голову склони.
В родной стране ты сам в себе уверен,
Могуч и прочен, полон жажды жить,
Все, что задумал и свершить намерен,
Тебе поможет Родина свершить.
И начиная путь свой,
И итожа
Успехи и потери,
Помни, сын,
Что ничего на свете быть не может
Страшной потери

Этих
Двух
Святынь.

И есть в горах неписанный закон,
Хранимый с незапамятных времен:
Все мужество – души орлиный взлет –
Отец сынам в наследство отдает.

Пусть это мужество хранят сыны
И в годы мирных дел, и в дни войны,
Пусть и в трудах, и в праведном бою
Прославят землю отчую свою!

Есть и другой неписанный устав:
Любая девушка, замужней став,
Как дар заветный, дочерям должна
Всю красоту свою отдать сполна.

Пускай проводят в радости они
Весны своей улыбчивые дни,
Когда ж их годы юности пройдут,
Пусть юным этот дар передадут.

Какой бы ты красивой ни была,
Какой бы горделивой ни была,
Не зазнавайся – помнить ты должна,
Что красота лишь в долг тебе дана.

И чтоб должницей вечною не стать,
Ее должна ты дочкам передать,
Чтоб с гордостью несли они черты
Подаренной тобою красоты.

Издалека, в метель и в бездорожье,
На голос твой я, Родина, иду.
Всего на свете твой покой дороже,
Я за него под пулей упаду.

Любовь, как знамя.
Я за ним –
И в дождь, и в пламя,

И в лед, и в дым.
Любовь, как знамя. И если вдруг
Мне в сердце – пуля, воя,
Не выбить знамени из рук.
Не выпущу его я.

Моя грустная мама как грустный рожок,
Моя легкая мама как легкий снежок,
Моя нежная мама как утром роса,
И веселая мама как птиц голоса.
Тает мама моя, как под солнцем снега,
Леденеет она, как под снегом река.
Верящая моя, любящая моя,
Что ты не сделала, сделаю я.
Дети твои не боятся тревог,
Битвы, труда, бесконечных дорог.

Неомраченной дружбой дорожи.
Не омрачай ее ненужной пыткой:
Разорванную нить как ни свяжи,
А узелок уже испортит нитку.
Но и порвется нить – бросать не надо.
Не поленись концы ее стянуть.
И сто узлов не могут быть преградой,
Чтоб руку дружбы другу протянуть.

Отчизна моя,
На громаду хребта
И звонкую речку
с тобой мы похожи:
Во мне отразилась
твоя высота,
Отвага и правда,
Любовь и мечта,
И буду всю жизнь –
весела и чиста –
Звучать, омывая твое подножье!

Отчизна!
Наша гордость и отрада!
Я – птица твоего большого сада,
И голосу доверься моему.

Тебе служить – вот высшая награда,
И если от меня
хоть что-то надо,
По первому же знаку
Я пойму!
Ведь все,
что с детства ты дарила мне,
В крутой дороге я не растеряла,
А собирала
с самого начала
И берегла в душе,
На самом дне,
И в песенный мой голос превращала,
Его очистив,
как металл в огне.

Под самым небом, на скале крутой,
Где дышат ветром царственные птицы,
Сосна – в себя влюбленная – гордится
Достигнутою ею высотой.
Ах, бедная сосна, забыла ты,
Что не сама до облаков достала,
А на плечах той самой высоты,
Что до тебя накапливали скалы!

Пока не встретила я с тобой,
Не знала, что я – тополек тугой
И что глаза мои с юных дней
Двух перезрелых вишен черней,
Что могут, как перед грозой камыши,
Дрожать от предчувствий струны души,
Что станут они, словно чуткая медь,
В руках твоих так звенеть и петь.

Пока не встретила я с тобой,
Считала, что жизнь – это дерзкий бой,
Не знала, что можно покорной стать –
Беспомощно ждать, безмолвно страдать.
Имея власть над любой звездой,
Над словом и солнцем, огнем и водой,
Я разве могла бы раньше понять,
Что можно власть над собой потерять?

Пока не встретила я с тобой,
Не знала, как радостно быть рабой –
Рабой, что твоих повелений ждет,
Только твоих – остальное не в счет.
И каждое слово, песня, слеза,
Мои переспелые вишни – глаза,
Душа и тело в одной мольбе
Слились: дозвожь мне служить тебе!

Привыкший к поклоненью и услугам,
Однажды слиток золотой изрек:
"Ты кланяться мне должен, черный уголь!"
Но золоту ответил уголек:
"Не зазнавайся, золото, не надо.
Ты – мертвое без плавки и литья.
Чтоб сделать вещь или отлить награду,
Еще тебя расплавить должен я".

Сказал сосед с достоинством во взоре,
Что он поймал, принес в свое жильё
И приручил морскую чайку. Вскоре
Он пригласил нас посмотреть ее.
Я глянула – и сердцу стало жарко.
Меж крякающих уток у пруда
Была она... Такой картины жалкой
Я больше не видала никогда.
Счастливого пути, сынок!
Не на пороге
Дают мужчинам цену,
А в дороге.

Ты, дочь моя, уходишь в дом чужой.
Там на тебя с оценкой взор нацелят.
А ты - мой плод. Росла не за межой.
И по тебе они меня оценят.

Я слышала: любовь не терпит многословья,
Кто много говорит, тот не горит любовью.
А я мужчинам бы сказала: "В час любовный
Не прячьте лучших чувств – нет, будьте многословны!"
Ведь не тогда родник дарует нам отраду,

Когда в подспутной тьме таит свою прохладу,
А лишь когда, журча, он вырвется наружу
И дарит свежесть нам, и оживляет душу.
И сердцу нашему мила лесная птица
Не дерзкой легкостью, готовой в небо взвиться,
А теми песнями, что из груди пернатой
Звучат восторженно с рассвета до заката.
Послушайте ж меня, суровые мужчины:
Вам от возлюбленных таиться нет причины,
В минуты нежности, доверчивости, страсти
Словами пылкими любовь свою украсьте.
Ведь женская любовь - а мне ль не знать такую! -
Рождается в ответ на искренность мужскую.
Любовь в любых словах любую фальшь заметит,
Но на сердечный зов сердечностью ответит.

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ

Фазу Гамзатовна Алиева Цена добра. В гармонии совести и таланта

Однажды мы с бабушкой возвращались с мельницы. Она находилась за аулом, где заканчивалось обширное поле Талаар. У бабушки за спиной был маленький мешок муки, эта мука очень ценится в горах – смесь помола черных бобов и ячменя и называют ее бобовой мукой. Сейчас, когда с гор едут в город в гости, как деликатес привозят эту муку в подарок. А я несла сверток с жареной мукой, это – тех (толокно). Молодежь ее называет «скорая помощь», потому что ее не надо специально готовить: варить, жарить. В муку крошат немного сыра и замешивают в горячей воде, можно добавить и масло. Получается такая вкуснятина, и разносится по всему дому очень аппетитный аромат.

Это было ранней весной. Мы подошли к Талаар, поле было пестрое, кое-где еще лежал снег, а проталины черными пятнами напоминали о пробуждении природы. Вдруг бабушка остановилась, лицо ее сияло, глаза блестели.

– Фазу, иди ко мне, стань поближе!

– Что ты увидела, бабушка?

– Я вижу настоящий алапат (чудо). Вон, смотри, там снег, и на нем цветок. Он сумел пробиться из замерзшей земли, терпел ожоги снега, и все для того, чтобы дарить нам радость!

– Бабушка, я такого не видела никогда, – и я протянула руку, очень хотелось его сорвать.

– Не тронь, он рожден дарить людям красоту и радость, а ты хочешь его убить. Смотри никогда не рви ранние цветы, ведь у них очень короткая жизнь, они хотят радовать людей, дарить им свой аромат, освещать их сердца. Мы пошли медленнее и увидели еще два подснежника. Во мне пробудилось что-то светлое, и начали стучать на самом дне сердца слова:

От удивленья широко
Пред тем, как этот мир широк,
Свое ребяческое око
Раскрыл голубенький цветок.

И до сих пор во мне живет память о том первом цветке, не завял тот подснежник, который я увидела впервые на снегу.

Мы по пути собирали траву, бабушка всегда запасалась на зиму тмином, мятой, чабрецом и многими другими целебными травами, сушила их в тени, покрыв марлей, а затем в марлевых мешочках укладывала в цагур (большой деревянный шкаф). Она знала, отвар какой травы вылечит ту или иную болезнь. Но главными в ее аптеке были тмин и мята.

Идем дальше, перепрыгивая маленькие камни и обходя большие, бабушка тихо читает молитвы и иногда, останавливаясь, благодарит Аллаха за эту красоту, за то, что она родилась и живет на этой земле такой щедрой и благодатной, она гладит эти колючие камни. Я думаю, какая же в этих камнях красота, что с того, что они вечно торчат, не шевелясь веками, так и стоят? Какая польза в них: на них не растет трава, и пшеница не зреет? Но вдруг моего слуха касается тихий напев. Я огляделась, не птичка ли это поет для меня. Остановилась и бабушка.

– Слышишь, Фазу?

– Слышу!

– Здесь недалеко должен быть ручей! – Она сделала несколько шагов, и я за ней. – Вот он! – засияло бабушкино лицо.

И я вижу, как по ложбинке почти незаметной струйкой вьется тонкий ручеек, мелкие камни он перепрыгивает, а большие обходит, как опытный и мудрый человек. Это он пел, я слышала эту мелодию первый раз – она такая нежная, полная любви и удивления, где то голос повышался, где то понижался, мелодия маленького ручья оживила окрестность.

– Бабушка, о чем поет ручей?

– Он радуется, что родился, что судьба подарила ему дорогу, хоть узкую, но свою, он поет славу небу и земле, хвалит нас с тобой, что мы с таким восторгом слушаем его песни.

И эта мелодия маленького ручья смешалась в моей крови и навсегда осталась в сердце. И в любое время я, закрыв глаза, представляла себя на том месте, видела тот ручей и слышала его песни, и вся моя печаль становилась светлой, и сердце наполнялось желанием найти свою собственную дорогу, как тот ручеек из детства, хоть узенькую, но свою.

Как то ко дню Ураза байрама наш родственник Магомед из Гоноха подарил мне маленького ягненка. Тогда, хоть религия была под запретом, люди были добрые и очень щедрые. В мусульманские праздники особым вниманием окружали сирот. Бабушка наставляла меня:

– От этой ярочки можно целую отару вырастить. Ты с нее глаз не спускай, сама ухаживай за ней – корми, пои, выгуливай, паси, как следует.

Я полюбила ее и все, что могла достать съедобное, давала ей, и она, как верный песик, всегда следовала за мной. Однажды я пошла за водой в горы, там был маленький родничок, и воду для питья аульчане брали оттуда. За мной бежала моя ярочка, которую я назвала Находка. Я поставила кувшин около родника и стала бегать по зеленому лугу. Находка временами останавливалась и щипала то слева, то справа траву и догоняла меня. Мы заигрались, я забыла обо всем на свете и даже зачем я сюда пришла. И вдруг с вершины гор и ущелий стало раздаваться: «Фазу! Фазу! Где ты?» Все кругом протяжным звуком было охвачено моим именем. Я испугалась, почему горы кричат, откуда они знают мое имя. Я стала кружиться, искать, сама не зная чего, и увидела на холмике недалеко от родника бабушку.

– Я здесь, бабушка! Я здесь, бабушка! – вторили вершины и скалы.

Я побежала к роднику, Находка за мной, бабушка тоже спустилась туда.

– Вай, Фазу, я не знаю, что с тобой делать, если бы я не пришла, ты осталась бы здесь до утра. Сколько раз тебе говорю: прежде чем мечтать и витать в небесах, смотри под ноги, не отрывайся от земли. Быстро наполняй кувшин и домой.

– Бабушка, откуда горы знают мое имя?

– Я им сказала, – улыбнулась бабушка.

– А что, горы понимают наш язык?

– Да, если их сильно любить, они все понимают.

Я шла домой, и внутри меня гремел голос вершин, передающий мое имя друг другу: «Фазу! Фазу!» И этот голос остался во мне на всю жизнь. В тот день, когда я пошла к озеру, что за нашим аулом, небо было ясное, чистое, только белые облака гуляли по небу, они то догоняли друг друга, то крепко сливались, будто обнимались, то расходились, как бы характером не сошлись. Я с удовольствием наблюдала их, и вот на моих глазах они начали менять белый цвет на серый, потом на черный. Резко стало темно, и загремел гром. Казалось, вершины гор трясутся совсем рядом, вдали вспыхивала молния, искривлялась огненными ветками, началась гроза, и пошел ливень, будто небо порвалось по всем швам. Навстречу грозе простираю я руки в восторге, и зажигаются во мне

все пузырьки, что вздуваются и гаснут на земле, мелкие горошины града жемчугами падают на дно моего сердца, и с каждым мгновением душа становится бездонной. И не бегу я домой, а стою, охваченная этой красотой и буйством. Косички мои прилипли к спине, я снимаю уже водою наполненные мачуял (кожаные тапочки), и мои босые ноги сливаются с орошаемой землей, голова моя до предела откинута назад, восторг мой не помещается в моем сердце и душе, и в этот момент появляется передо мною бабушка, покрытая клеенкой с нашего стола.

– Я так и знала, что только ты можешь, как ненормальная стоять под дождем. Ну что мне с тобой делать, Фазу? – плаксивым голосом сказала бабушка.

– Посмотри, как красиво, бабушка!

– Сколько ни говори, до тебя не доходит, свинец, что ли, залит в твои уши, я иногда думаю, что у тебя есть какой то придуманный свой мир, ты не такая, как все.

Она потянула меня за руку, между тем гроза начала утихать, а когда мы уже входили в аул, я крикнула, хлопая в ладоши:

– Бабушка! Смотри – радуга!

– Говорят, что радуга всегда к счастью. Дай, Аллах, земным людям, твоим рабам, покой. Дай страдающим терпения, голодным – хлеб, больным – выздоровление. Пусть найдут души умерших на райских деревьях веточки наслаждения.

– Бабушка, как получается радуга?

– Это знает только Аллах, человек не может об этом рассуждать, мы не можем знать, почему весна заменяет лето, а лето – осень, а осень передает все свои права зиме. Точно знают, что радуга – это весточка с небес, она к счастью.

Иншаалла, иншаалла! Посмотри, как сплелись его цвета, и, говорят, каждый цвет имеет свой смысл, который становится талисманом, и радуга несет счастье тем, кто ценит свою землю, на которой он родился, и тем, кто желает добра другим людям.

А я шла вся охваченная восторгом, мне казалось, что радуга, разделившая небо пополам, одним концом упирается в гору, а другим – в мое сердце. Ах, если бы я могла намотать ее на руки, что бы я сделала с его семью цветами?! Не стала бы назначать цену и мерить ее, как отрез на платье, я даром бы раздавала всем его семь чудес. И на всю мою жизнь осталась эта радуга во мне. Вот она – я вижу ее ясно, как тогда эту радугу дугу. Она так и осталась во мне. Я уже хожу в школу, и наша учительница Хажа повела нас однажды в горы, конечно, не очень далеко, ведь мы еще маленькие – первоклассники. Кругом скалы и камни, местами – деревья и лес. Кроны деревьев – сосен и берез – качаются от ветра, то сходятся близко близко, то с шумом расходятся, будто обижаются друг на друга. А в земле, промытой дождями и снегами, обнажились их корни, твердые, как из стали. Они переплелись друг с другом, и никто не

может отличить, какой корень от какого дерева, и никакая богатырская сила не сможет их разделить. Я уже не замечала ни кроны, ни ветки деревьев, я теперь видела только корни, которые самоотверженно отдавали друг с другом свое тепло и силу. И на всю жизнь во мне остались эти скалы и горы, деревья, их качающиеся кроны и скрученные друг с другом их твердые корни.

Недалеко от нашей школы находилась пропасть – Цоботль. Я каждый день бегала туда, когда стоишь на скале, видишь три кипящих водопада. Они очень живописны, поэтому занесены в умные книги как чудо природы. То скачет, то плавно плывет молодая река, чтобы однажды, не моргнув, с высоты броситься головой вперед, а затем разбиться в глубокой пропасти. Так рождается водопад, и над голубым столбом падающей воды в тысячах лучей солнца преломляются брызги летящей воды, которые превращаются в мелкую мелкую морось – такую влажную дымку. И на платье моем остаются темные, влажные крапинки жемчужинки. Я стою, как замороженная, и в сердце мое с какой то силой врывается этот водопад, доводя мои чувства до кульминации, он становится моей защитой и талисманом!

Отчего это мне с самого детства слышится жужжание божьих коровок? Да, именно с того дня, когда я лежала на зеленом лугу. Эта букашка прилетела и села на мой локоть. Твердые, будто покрытые красным лаком, крылья дрожали, на них сверкали черным жемчугом мелкие крапинки. Я боялась пошевелиться, чтобы не спугнуть ее. «Какая красота!» – любовалась я совершенством этого божьего создания. А она как то без особой спешки совершила путь от моего локтя до конца среднего пальца. Остановилась на миг, расправила крылья и улетела не в никуда, а прямо в мое сердце. Так она осталась со мною навсегда. Я облетела почти весь мир, и со мною всегда были эти чудеса моей земли, и дагестанское жаркое лето, и подмосковные рощи в снегах. На любых путях: воздушных, железнодорожных, шоссежных, как зажженный чирах (лампа), мне светился тот первый подснежник на снегу. В памяти и тонкий, поющий свою собственную песню, радующийся жизни черный ручей. Со мною и та моя ярочка – Находка, везде со мной горы, вершины, ущелья и скалы кричащие голосом бабушки: «Фазу! Фазу!» Эхо, гроза и ливень, заставшие меня у аульского озера, вижу мои руки, протянутые навстречу грозе, и та светящаяся семью цветами радуга – она в моем сердце не гаснет. Мне всегда кажется, что те корни деревьев, скрученные друг с другом, дали мне жизненные силы. А как похожа я на тот водопад, который с высоты бросается в неизвестность, чтобы продлить свой путь. Та божья коровка с красными крыльями и черными крапинками из моего детства до сих пор продолжает путь от моего локтя до среднего пальца, вызывая во мне умиление и радость. И это все называется моя родная земля – моя малая Родина, которую я так крепко полюбила с раннего детства. Не знаю, как сложилась бы моя жизнь, если бы не моя незабвенная и мудрая бабушка. Она не читала никаких книг, кроме Корана, черпала оттуда знания, поэтому она любила жизнь, свою землю, на

которой жила, ценила каждого человека и природу. И все это с умением опытного педагога и психолога она передавала нам, своим внукам. В ее арсенале воспитания были не только назидания и запреты, она учила нас наблюдать и чувствовать природу, быть терпеливыми, щедрыми и снисходительными, своим примером доказывала, что только кропотливый труд делает человека уверенным, что только настойчивый добивается успехов в жизни.

И руки в молитвенном обращении
Тяну я в пугающую пустоту.
Не так уж темна и бесталанна,
Но книга добра и любви, и труда,
Книга природы,
Полной тумана,
Для меня останется навсегда.
Но твердо знаю, привязанность с детства
К земле, наполненной красоты,
И к неоглядному небу
В наследство
Мне оставила только ты.

Бабушка научила меня не только любить жизнь и родную землю, она открыла мне прелести родного моего аварского языка, а главное – научила чувствовать слово.

Мой аварский язык,
Он с орлиным знаком!
Подарила его мне с грудным молоком,
Подарила мне его простая горянка.
Пусть немного он груб,
Но, рожденный на скалах,
Он рекою озвучен,
Горами храним...
Я его с молоком материнским впитала,
С молоком подарила
И детям своим!

Сколько легенд, пословиц было спрятано для меня в гуще родного языка, ключи от этого клада бабушка вручила мне. Маленькой девочкой я думала, что все говорят только на моем языке. Но вскоре я узнала, что есть и другие языки, а через русский язык я приобрела настоящее богатство, он открыл мне не только окно, но и двери в духовное наследство мира. Эти два языка – как два солнца во мне. Это языки моей Родины. Священный Коран на самом почетном месте, хоть я не знаю арабского языка, читаю его лишь в переводе. Окружена я книгами гениев, великих мыслителей, поэтов. Это тоже моя вотчина, потому что эти авторы служили своей земле – родине, народу. Выросшая на этих ценностях, с

малых лет влюбленная в свой край, я с сознательного возраста служила тебе, мой родной Дагестан.

Я еще не вымолвила «мама» –

Это слово первое в судьбе,

А уже тогда из сердца прямо

Проросло зерно любви к тебе.

Я давно уже опора маме,

И сама я – мама,

И теперь

Держит душу крепкими корнями

Дерево любви моей к тебе.

Я держу плоды на нежных ветках,

Корни все – под левую рукой...

Удивительный край, наш Дагестан! Уникальна у него не только природа и история. Просто диву даешься, как на таком маленьком клочке земли могло всегда сосуществовать столько народов и народностей. Как переплетенные корни вековых деревьев, мы давно стали единым дагестанским народом, ведь мы интернационалисты по своей сущности. Кто только ни пытался покорить нашу землю! Только сплоченность и взаимоподдержка спасали нас от порабощения и рабства. Чувства единства и терпимости у нас в крови – это уже на генетическом уровне, поэтому я смотрю в наше будущее оптимистично – у Дагестана прекрасное завтра, мы сильны единством и сплоченностью. Мой любимый русский поэт Василий Федоров, наверное, сказал именно о нас:

Грозит, враждуя, крона кроне,

Шумит, оспаривая высь.

А между тем в земле их корни

Уже давно переплелись.

Да, мы давно переплелись, и в этом наша сила и мощь. Нет на свете силы, которая могла бы разъединить наши корни, которые так крепко связаны нашим легендарным прошлым, прекрасными обычаями и традициями, генетической памятью народа, судьбами и героическими свершениями на благо любимого Дагестана. Сегодня нужны для стабильности и процветания межнациональное согласие и мир.

Любить свою землю – это значит замечать даже малейшие ее красоты, питаться ее соком и духом народа, стараться обогащаться и развиваться и создавать в сердце своем миниатюрный портрет своей, только своей малой Родины. Только этот образ поможет современной молодежи полюбить и Дагестан, и великую Россию, и в какую бы сложную ситуацию ни попадут люди, они никогда не свернут с верного пути. Этот путь приведет к кладу духовного богатства, где кроются главные человеческие добродетели. Те, которые формируют личность, – это достоинство и честность, мужество и независимость, терпимость и любовь

к Отечеству. И тогда в наших сердцах навсегда закрепится вечное стремление к нравственной чистоте.

Это я видела сама
Держу в руке кусочек хлеба,
Он мягче пуха, ярче дня,
Сошлись в нем и земля, и небо,
Он слов понятней для меня.
У памяти любые средства:
Кусочек хлеба – дом родной!
И голодающее детство
Мое встает передо мной.

«Все, что земля дает человеку, – это лекарство. Но требуется большое желание и неустанный труд познать их назначение».

Моя бабушка Хузайпат была третьей женой Камиля, от первых двух не было детей. Весь аул радовался, когда стало известно, что Хузайпат беременна. Она родила сына, и назвали его Амином. Он родился крепенький, с хорошим ростом и весом, как положено целый год кормился материнским молоком. Но к трем годам малыш изменился, стал вялым, ничего не хотел есть и так похудел, что стал просто прозрачным, можно было пересчитать все ребра и кости.

Однажды мы с бабушкой возвращались с поля и встретили Хузайпат с сыном. Она выпустила руку ребенка и отвела бабушку чуть в сторону.

– Ой, Патимат, ты же все знаешь, что Амин у нас единственный, и такое горе: он тает на глазах, ничего не ест, воды, и то в день пьет всего несколько глотков. Врачи ничего не могут сделать, талисманы и молитвы тоже не помогают.

– Не расстраивайся, Хузайпат, все в руках Аллаха, дети то худеют, то поправляются; увидишь, он тебя удивит – станет сильным!

Бабушка опустила голову, а потом подняла до отказа вверх, посмотрела на небо:

– Знаешь, Хузайпат, мне Аллах напомнил одно чудо, что произошло с девочкой.

Сейчас все как раз собирают чеснок. Возьми большой таз и иди, не стесняйся, в каждый дом, пусть, кто сколько головок не пожалеет, бросит в него чеснок правой рукой со словами: «Субханаллахивани’малвакил». Завтра пятница, приходи после этого с чесноком и с мальчиком ко мне.

– А Амину что кушать? – удивилась Хузайпат.

– Дальше Аллах подскажет, иншаалла...

Хузайпат пришла с огромным тазом, доверху наполненным свежим чесноком.

Бабушка нас заранее предупредила, чтобы мы не снимали с чеснока первый слой, а только делали вид, что чистим его.

– Пусть Амин снимет, ведь его надо лечить, – сказала она нам.

Так и сделали. Амин очень быстро устал, но не бросил начатое дело. Вдруг он подошел к матери и шепнул ей что то на ухо.

– Я пойду, покормлю его и приду, – встала Хузайпат.

– Нет, сегодня пятница, я приготовила хинкал, все вместе и покушаем! – сказала бабушка. – Фазу, принеси сюда зеленую кастрюлю.

Я сперва постелила войлочный коврик, сверху сделанную из лоскутков скатерть. Первый хинкал взял Амин.

– Первый раз вижу, чтобы мой сын захотел кушать! Мы все смотрели, как радуется Хузайпат, и ели хинкал, макая галушки в чесночную подливу, разведенную на кислом молоке. И Амин стал макать хинкал в чеснок и аппетитно их уплетать. Хузайпат приходила к нам ровно неделю. Она рассказывала, что сын и дома все время требует хинкал с чесноком. Через год Амина трудно было узнать: щеки его надулись, он заметно подрос, уже бегал с мальчишками по улицам, и Хузайпат опять забеременела.

Что это было, я не знаю, но я видела собственными глазами, как чистка чеснока вылечила мальчика. Много раз спрашивала об этом у бабушки, а она, подняв глаза к небу, говорила:

– Я не знаю, Аллах подсказал. Я вспомнила, как однажды бабушка моя заставляла мою заболевшую сестру Айзанат чистить целое ведро чеснока, и она выздоровела. Алхамдулилла, Аллах, что и я почти ничего не забыла из того, что делала моя бабушка, а ее притчи, пословицы, которые проповедовали нравственность и человеколюбие, как резьба на камне, остались в моем сердце.

Слеза Родниной

Везде – под сводами отеческого крова

Иль там, где так шумны чужие мне
края,

– Мне слышится твое напутственное
слово,

О Родина моя!

И если вдруг иду печальною тропюю,

И взору видится иная колея,

То знай, что я винюсь перед тобою,

О Родина моя!

В меня ты столько сил и мужества

вдохнула,

Что тропка сделалась дорогой бытия,
И по тому пути, смелея, я шагнула,
О Родина моя!

«Нет на свете места приятнее домашнего очага»

В жизни бывают такие события, которые, на первый взгляд, не очень важные, но порою они становятся знаковыми, знаменательными в судьбе. Так у меня навечно осталось в сердце фигурное катание Ирины Родниной. Она ежегодно выходила победительницей на всех международных соревнованиях, и вся страна тогда переживала и болела за нее.

Несмотря на то, что в каждом доме уже были телевизоры, женщины собирались вечерами то у одной, то у другой, чтобы вместе любоваться нашими великолепными фигуристами. Так как у нас в доме не было мужчины, чаще всего все собирались у нас. Каждая приносила с собой подушку, табуретку, чтобы устроиться поудобнее. Когда собирались по другим поводам, женщины приносили с собой то шерсть чесать, то нитки носки вязать, то веретено крутить. Но когда приходили болеть за Роднину, брали только четки – читать молитвы, просить у Аллаха, чтобы она непременно победила. Сидели молча, напряженно, время от времени подбадривали Ирину, называя «горная лань», «ласточка», «звездочка».

А я боялась даже дышать, смотрела так, что ни одного движения не пропускала. Мое воображение уносило меня на лед, мне казалось, будто это я под восхищенные взгляды зрителей танцую, а мои длинные косы летают вместе со мной в такт музыке.

Так шли дни чемпионатов, и, наконец, наступает финал, когда подводятся итог и Роднина поднимается на высшую ступень пьедестала почета. Она казалась изваянием Рафаэля, будто статуя из слоновой кости. Ее бездонные большие глаза были обращены вдаль, губы едва заметно шевелились, первые же звуки гимна Советского Союза как будто радугой осветили ее. И крупный план долго держит эти прекрасные глаза.

– Да она плачет! – привстала Савдат, и за ней встали все.

Слезы застывали на щеках Ирины, две крупные прозрачные капли радости за себя и гордости за Родину, благодаря которой она поднялась на этот пьедестал. Эти крупные чистые слезы, идущие из глубины сердца Родниной, попали и в мое сердце, и я ношу их столько лет в себе. Они не растеклись, не растворились. Они – эти хрустальные капли – сохранились во мне и в сердцах других, потому что они символизировали любовь и преданность Родине. Вместе с Ириной плакали и мы. Это были слезы радости и гордости за великую страну. В этих слезинках был весь мир, в них и блаженство маленькой фиалки с ее

неповторимым ароматом; задумчивость ромашки полевой, что солнцу навстречу широко раскрывает свои желтые глаза и может смотреть прямо в солнечное око, лениво покачивая головой. В них мощь сосен, что переплелись корнями, таинственность белоствольных берез, которые тоже умеют плакать; в них маленькие села, утренний крик петуха, мычание коров, клекот орлов, задушевные песни соловьев; в них все – от морей и полей, гор и ущелий. Слезы Родниной горят в моем сердце как вечный огонь...

Что наполняет доверху меня,
Что из души светло и беспричинно
Исходит, словно через край кувшина
Струится влага, призрачно звеня?
А это – солнце, пышущее жаром,
И свежесть рек, и снега чистота, –
Та чистота, что не дается даром
И вся сквозным сияньем налита.

Мои печальные тропинки

Самой не верится!
А я ведь
Была действительно другой.
Но не могу себя представить
Той – не убитую тоской.
Той – не желавшей лучшей доли.

Фазу Алиева

В высокогорном ауле моем не росли деревья, хотя земля была черноземная, после вспашки казалось, что она живая. Возьмешь горсточку в ладонь, она греет все тело. Что то загадочное было в ее крупинках, похожих на мелкие шарики. А если долго молча смотреть на нее, в сердце становится светлее...

И люди ценили эту землю, холили ее. На ней росли пшеница и ячмень, в ней под скромными кустиками созревала картошка. На ней колыхался лен. Что только ни давала эта земля тем, кто ее любил, кто верил в ее щедрость и доброту. Ни один человек не осмеливался пройти короткой дорогой через вспаханное поле в аул. Между делянками, как ленточки, проходили тропинки. Каждый аульчанин знал, какая тропинка ведет к его делянке. Завяжи ему глаза, он не заблудится, прямо попадет к своей делянке.

И у меня с детства была своя тропинка, светлая, звонкая; и каждый день на делянку нашу, и в школу, и обратно я своей подпрыгивающей походкой

спешила по этой узкой тропинке. И по дороге весь мир кружился вместе с моими мечтами. Кругом горные вершины, покрытые вечными снегами, приветливый ветерок доносил до меня шелест трав альпийских лугов. Меня сопровождали, почти касаясь плеч, белогрудые ласточки, надо мною жаворонки пели свои восторженные песни.

О эти аульские тропинки, что резьбою остались в моем сердце; никакие годы, так быстро и незаметно летящие, не смогли стереть из памяти эти путеводные ниточки. Где бы я ни была, какие только дороги ни преодолевала, мне мерещилось, что я иду по тем тропинкам. И в далекой Австралии, и в экзотической Бразилии я как бы шла по родным тропинкам, полная негасимым чувством любви к ним. Пила я радость солнца, обжигаясь и свой восторг умножая, пила и горечь яда, ошибаясь. Но все тогда казалось радостью, ведь звонко пела тропинка под ногами. До вершин гор рукой подать, а там встань на цыпочки – звезды с неба можно достать. Я уже другая, в меня в десять струй льется печаль.

Но в памяти хранилась нерушимой
Тропинка, что ведет в аул родимый.
Не год, не два в моем скитанье долгом
Меня томил он неоплатным долгом.
Но вот судьба мне даровала милость –
Сюда хоть погостить я воротилась.
Не я вернулась, а ко мне вернулись
Изгибы узеньких аульских улиц.
Над пропастью – уступы плоских кровель,
И брызги слез, и звон счастливой крови.

О эти тропинки, ведущие в родной аул! Они все лучезарнее светятся под моей печалью и тоской, и горькая мысль, что я вряд ли еще смогу пройти по ним в аул, печалит мое сердце. Эта печаль моя светла, и благодарно я поднимаю к небу руки: «Алхамдулилла, Аллах, я еще жива Вашей милостью, я еще вижу с этих узких тропинок весь мир. Знаю, что я их унесу с собой в небытие».

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ...

Гармония одиночества

Блаженный сон забыл ко мне дорогу,
Обманчивый покой меня оставил.
С безмолвною переплетясь печалью,
Как две змеи, мы с нею неразлучны
До самого рассвета.
А рассветы
Теперь всегда туманны и безлики.

Сколько я помню себя, с самого детства моей душе чего то не хватало; где то там, внутри, всегда жила какая-то смута. Что я искала, к чему стремилась? И с годами эта боль углублялась... Я уходила в одиночество и потому еще больше сближалась с природой, она стала частью меня, и только в ее гармонии я находила опору и утешение. В ней все меня удивляло. Даже самая мелочь, замеченная мной, рождала восторг и вдохновение, окрыляла мои мечты и звала куда-то...

Вся жизнь моя, как черной буркой, окутана одиночеством. Помню, застигнутая сильным ливнем, я спряталась в маленькой пещере Акаро горы. Гром гремел так, что казалось, дрожат горы. Но я не боялась, что останусь под каменным обвалом, напротив, гром разбивал ту тоску, которая томила мою душу; в раскатах грома я слышала зов, но куда он звал – еще не знала. Вспыхивали молнии, огненными стрелами целясь прямо в мое сердце, и чувствовала я, что они зажигают меня, наполняют силой и мужеством. Зима. Вокруг белым бело, снег падает крупными хлопьями; я вхожу в сугробы почти по пояс, но мне не холодно, а жарко. И во мне метель, очищающая, окутывающая все мои тревоги в белые одежды, я как в невесомости. Я между небом и землей. И чудятся мне за каждой снежинкой травы и цветы, покрывающие своим многоцветьем поля.

Я чувствую нежное дыханье весеннего ветра, который ласкает меня. Аромат вспаханной земли обжигает мне ноздри. Оказывается, все это: стремительный ливень, раскатистый гром, огненные стрелы молнии, белый пушистый снег – оставили во мне частички своего очарования...

И сегодня я стою на поляне, полная восторга и удивления. И сегодня я вижу все это, и гармония вновь воцаряется в моем сердце. И я знаю точно: одиночество души – не наказание, а дар божий.

Все меняется

Одинокое дерево высится
На высокой горе, и орлом
Всякий раз из ущелья мне видится
Это дерево с темным крылом.
Так растет, словно было замыслено,
Как одно из редчайших чудес,
Или вправду живет независимо
От всего – от земли и небес?
И, на дерево глядя с волнением,
Ясно чувствуется, что оно
И смиреньем, и долготерпением –
Высшей гордостью наделено.

О Переделкино! Моя радость и моя боль. Ежегодно мы приезжали сюда с Мусой. Я имела возможность быть здесь только двадцать четыре дня, т. е. во время отпуска, потому что работала, а Муса оставался еще на два месяца. Мы жили в отдельном коттедже, окруженном высокими соснами и белоствольными березами. Это был рай. Тогда я это не понимала, а теперь ежедневно с ностальгией вспоминаю. Каждый день полчаса до обеда мы, держась за руки, шли к нашей березе; к ее стволу была привязана банка, и до нашего прихода она оказывалась полной березовым соком. стакан у нас был один, мы привезли его из дома, хрустальный, ручной работы, и из него пили; один глоток я делала, второй – Муса. Так каждый день, пока береза не переставала плакать. И каждый раз, когда я пила сок, мне становилось грустно. «Это же слезы березы», – думала я. Так красиво под лучами солнца, переливаясь, играл разными цветами густой сок. Он становился то золотым, то светло голубым. Как мы были молоды и дороги друг другу! Казалось, что это счастье дано нам на вечность...

И теперь эта боль воспоминания, словно колючка, впивается в сердце. С тех пор, как Муса покинул меня, я ни разу не ездила в Переделкино. Зачем тревожить незарубцевавшиеся раны? Зачем заставлять их опять кровоточить? Ведь там повсюду следы нашей молодости, свет нашей любви. А стакан тот стоит в серванте, и в его гранях застыл образ высокой белоствольной березы, из раны которой капает густой сок...

И не утихает моя боль по ушедшей жизни. Я уже, Муса, другая; и смеяться я разучилась, а ведь ты так любил, когда я громко хохотала. Но ничего не забыла. Ты меня так любил; тогда это казалось обычным, а теперь все по другому. И повторяю я стихи Тхоржевского. Боюсь смерти, того момента боюсь, когда душа отделится от тела...

Золотая осень

Ранним утром дворник улицу метет,
Напевая песенку простую.
Отметает дворник мусор от ворот,
заодно и тьму ночную.
Дворнику известен каждый дом и двор –
Всякого немало накопилось.
О, когда бы только сумрак или сор
выметать нам приходилось!
Смотрит снова осень с грустью молодой:
Листья шевелятся под метлою.
Веет снова осень свежей теплотой,
пахнет сладкою золою.

Странная я, слишком странная, и никому не узнать, – какая. Ни мать, ни муж, ни дети не могли понять, что у меня там внутри, потому что Аллах меня наградила сдержанностью и терпением. Ни разу, хотя причин было немало, не нагрубила я мужу, скандалов дома не устраивала; ни разу ни одного сына я не ударила, всегда обращалась: «Солнышко мое, так нельзя!», «Радость моя, у меня кроме вас, никого нет, вы должны радовать меня!»

Каждый раз, когда мама начинала меня ругать, я целовала ей руки. Мой муж очень любил кричать, уже с порога он начинал делать мне замечания. Я же приветливо улыбалась:

– Солнышко, иди кушать, я приготовила вкусные курзе.

– Мясные?

– Да, ты же любишь мясные.

Он вздыхал и успокаивался. А я молчала, пока он сам не начинал разговор...

Никто в доме не знал, что я люблю, что меня доводит до слез. Никто в доме не знал, что я не люблю ни весну, ни лето. Они только удивлялись, почему я не пишу в эти месяцы, а только читаю. Весною почему-то меня переполняет грусть, как будто я что-то потеряла – ищу, не нахожу. Боль не покидает сердце, вспоминаю всех умерших, хочется плакать. И так было всегда, даже среди первых стихов я нашла написанные о весне строчки:

Кто стучится в окно природы,
Распахнувшееся настезь,
Кто берет такие ноты,
Задевает струны счастья?
Что за голос слышу, слышу?

Я слышала голоса ушедших – брата, отца, прабабушки, наших соседок, тех, кого мы провожали на войну. Когда проходила мимо кладбища, до меня как будто доносились их голоса: Омардады, Халун, Издаг, Патимат, – и мне становилось невыносимо больно.

Не люблю и лето; не знаю почему, может, из-за жары. Мое раздолье, моя радость – осень. Я становлюсь совсем другой: все, что застыло, окаменело во мне весной и летом, пробуждается, возрождается к жизни; отовсюду звучит призыв: «Пиши! Пиши!» И я начинаю писать, только успевай донести мысли от головы до белого листа. Что-то пьянящее, чарующее дарит мне каждый опадающий лист дерева. Цвета багровые, желтые, где то еще зеленые складываются в необыкновенные картины. А небо осенью такое высокое, гораздо выше, чем весной и летом, и чистое до хрустальной голубизны. Вот лист упал на мою голову, он такой прозрачно желтый, хрупкий. Я смотрю на дерево, не плачет ли оно по своим листочкам, мысли складываются в стихи:

О дерево, поведай мне: и ты
Обречено страдать во время родов?
Так почему же не трясет природу
Твой крик, когда рождаешь ты цветы?
О дерево, а плачешь ли и ты,
Как скорбно плачут матери о детях?
Что ж я не слышу плач и стоны эти,
Когда на землю падают плоды?

Я бегу домой, пока мысли тянут меня. Ах, осень! Ты мое вдохновение, ты огонь моего трудолюбия.

Вот и первый снег, моя слабость и мой полет. Снег идет большими хлопьями, густо, и одна снежинка, словно крылом, касается другой. Я стою очарованная, будто между небом и землей. И каждая снежинка несет мне с высоты эти мудрые мысли. Я наполняюсь ими, как пчелиный улей пчелами, которые потом летят, чтобы собрать нектар. Я бегу, сама не знаю куда. Все белым бело, и мысли мои, как снег, белые, но горячие, обжигающие.

Мои бабушка и мама любили все времена года, а от кого у меня такая любовь к осени и зиме и равнодушие к весне и лету? Помню горячий хлеб с сыром, что аульчане раздавали, когда завершалась уборка на полях. Этот волшебный вкус я чувствую и сегодня. А в первую зимнюю ночь зажигали костры: молодежь – на скалах, а пожилые на крышах домов. Мы, дети, радовались, перепрыгивали через костры, а бабушки читали молитвы.

Пусть никогда никто под этим небом
Не будет обделен насущным хлебом,
Но будет, как всегда, как в пору голода,
Хлеб слаще меда и ценнее золота.

Генеральная репетиция

Мне искренность моя грозит бедой
И в то же время от беды уводит.
Она – цветок, в нем кто-то яд находит,
А кто-то сок, медвяный и густой.
Двойное у цветка предназначенье,
И не похожа на пчелу змея.
Так будь же век со мной, мое мученье,
Мое спасенье – искренность моя.

Как-то все мои дети одновременно пришли ко мне.

– Как хорошо, что никто никуда не уехал и все собрались вместе. Я хотела серьезно с вами поговорить.

– Ты уже сто раз поговорила с нами серьезно, думай о своем здоровье; ты еще тридцать лет будешь жить и командовать нами, иншаалла! – улыбнулся Расул.

– Вчера я ходила к Халун и очень расстроилась. У нее, наверное, сто подушек, пушистых, словно внутри тесто на дрожжах; все одинакового размера, но из разных тканей: бархата, парчи, сатина, ситца. Она их шьет, чтобы пришедшие после ее смерти на соборезнование могли на них сидеть, дом блестит, как зеркало невесты; чтобы садака раздавать, она купила одинаковые кулечки; тарелки, вилки, ложки завернуты в белоснежные полотенчики. А в чемодане все – от мыла до савана, чтобы нарядной уходить в иной мир. Вы ни о чем не думаете, а я сижу, пишу, читаю. Опозоритесь вы, когда меня будете хоронить. Кто вам подскажет, что и как необходимо делать?

– Ты же нам уже сто раз сказала! Зачем подушки? У соседей возьмем стулья, если нужны будут, и столы. Не беспокойся, мамулечка, ты нам нужна живая, ты еще долго будешь жить! Давайте больше об этом не будем говорить! – успокаивал меня, а заодно и себя Махач.

– Знаете, – очень серьезно, даже как то торжественно, сказал молчавший до сих пор Джамбулат. – Я думаю, чтобы мама была спокойна, надо провести генеральную репетицию. И все дружно расхохотались и перешли на другую тему.

Мамин наперсток

У мамы на виду не устаю
Я женщину счастливую играть,
Какой всегда, наверно, дочь свою
Мечтает видеть любящая мать.
Но вздох ее горяч и поделом,
Как пар над закипающим котлом.
И полон скорби взгляд пытливых глаз,
Как черным углем, наш зеленый таз.

Можно сказать, без сомнений, что у моей мамы была одна вещь, для нее бесценная и ревностно ею хранимая. Где она ее хранила днем, никто не знал, но долгими вечерами она надевала ее на средний палец и начинала штопать наши лохмотья. А во время войны мама пришивала пуговицы и делала петельки к ватным безрукавкам и фуфайкам, которые шили бабушки и ее подруги. Потом выяснилось, что таинственная вещь имеет название – наперсток.

Каждый раз, когда мама надевала этот наперсток, она так горячо вздыхала, как будто выпускала из себя кипящий пар, и говорила: «Когда я вышла замуж за Али, он привез меня в Махачкалу, тогда военные жили в казарме. Как то повел Али меня в гости в одну семью. Хозяйку звали Патимат. Все называли ее ЦурмиловаПатимат. Женщина была как царица. Каждое ее движение, осанка, голос входили в сердце, как красивая песня. Тогда я не могла отвести от нее глаз, а потом она стала мне близкой и родной. Я, приехавшая из аула, не знала, как себя вести; больше молчала, боялась, что скажу какую-нибудь глупость. Когда мы собрались уходить домой, она подарила мне этот наперсток и сказала, чтобы я берегла его на счастье».

Наперсток серебряный; не знаю, какой терпеливый и искусный мастер его сделал. Все, кто видел этот шедевр ювелирного искусства, долго рассматривали его и восхищались. Наперсток был покрыт мелкими шариками, будто бисером, а чуть ниже середины, словно пояс из цветов на черненой эмали, его завершала тонкая, красива канва. У нас не было особых ценностей: революция отняла у моих предков все. Мы жили в чужом доме, и нам, детям, казалось, что если есть в доме дорогая вещь, то это мамин наперсток.

Когда исполнилось мне шестьдесят лет, мама позвала меня и достала заветный наперсток. Я удивилась: как же она его сохранила? Мама торжественно вытащила из-под подушки, на которой спала, стертый кожаный маленький кошелек – оттуда уже посеревший комок ваты.

– Я хочу подарить его тебе, – сказала она, нежно поглаживая наперсток своими узловатыми пальцами.

– Не надо, мама, ты ведь так его любишь, – запротестовала я.

– Глаза уже давно не видят, любоваться им я уже не могу, а шить – тем более, – улыбнулась она.

Мама снова рассказала мне историю наперстка.

– Подари его Нуцалай или Шахсанат (это мои сестры), – никак не успокаивалась я.

– Нет, Фазу! Они такие вещи не ценят. Это ты умеешь беречь и хранить. Пусть теперь он станет твоим талисманом счастья и радости. Я хочу, чтобы он был у тебя.

Я взяла наперсток и заплакала.

Когда умирала моя прабабушка, мне было тогда два года, говорят, что она свой талисман, на котором арабской вязью была расписана молитва, передала моей матери и сказала: «Это для Фазу, ей в жизни будет очень трудно; а до того,

как она поймет смысл талисмана, носи сама». Мне его дали, когда я пошла в седьмой класс и с тех пор ношу его с маминым наперстком и никогда с ним не расстаюсь...

Не раз в моей жизни случилось так, что я стою на краю пропасти, одной ногой как будто уже проваливаюсь в нее. Но в этот же момент, когда уже казалось «все!», меня словно кто-то невидимыми руками перемещает на лужайку. И мне кажется, что Аллах спасает меня, потому что я никогда не сомневалась в его могуществе и справедливости.

Я глажу свой талисман и вспоминаю прабабушку, которую знала только по рассказам и которая с детства вошла в мое сознание как очень мудрая, пронцательная женщина. Вспоминаю маму, ЦурмиловуПатимат и, подняв руки, благодарю Всевышнего: «Аллах, алхамдулилла, ты опять спас меня от черной зависти и ненависти».

Сейчас я думаю: кому завещать свои талисманы, кто из моих внуков сможет оценить важность и значимость моего дара; кто будет искренне любить и верить в их силу?

Уже тропа не звенит

Рухну в зеленую свежую бездну –

На склон луговой упаду,

Увижу омытые синью небесной

Ромашки, лютики и лебеду.

Зажмурюсь – и, словно в теплую землю,

Их корни впущу прямо в грудь свою.

Их муки приемля, их счастию внемля,

С весенними соками душу солью.

Уже тропа не звенит под моими ногами, напевая таинственную мелодию, чтобы я сама разгадала ее смысл, чтобы она потом словами легла в моем сердце, создавая почву для новых стихов. Уже тропа не бежит навстречу, ускоряя мой шаг, не ставит передо мной вопросы жизни, над которыми мне нужно думать и думать, находить ответы, находить для них такую форму, чтобы каждое слово сверкало. Эти загадки делали меня молчаливой, я искала одиночество, чтобы остаться с ними наедине. Когда человек думает, он становится духовно богаче, моложе и одухотворенней.

Уже тропа не звенит под моими ногами, но жизнь становится все дороже и дороже. Каждый камешек, травинка, букашка становятся чудом, что никогда не сотворят человеческие руки; это подарки судьбы, посланные нам свыше...

Эта любовь к созданиям природы – во мне с самого детства, но тогда видела я все по-другому. Вспоминаю, как лежу в сочной, зеленой траве, раскинув руки по сторонам. Жужжат пчелы. О чем-то поют стрекозы, бабочки с тонкими, прозрачными крылышками порхают с одного цветка на другой. На травинках совсем близко играют друг с другом божьи коровки. О, какая красота! Ярко красные с черными крапинками, они как долгожданная добрая

весть. У них своя особая песня, очищающая, легкая, беззаботная. Я смотрю на них до тех пор, пока сама не уподобляюсь им. Я становлюсь легче пушинки. А на синем небе бурлят белые облака, создавая разные образы: то молодые обнимаются, то старик гладит длинную бороду, то медведь лениво поворачивается из стороны в сторону. Уже мне кажется, что не луга издают ароматы, а пахнут всеми цветами облака и небо.

Я не прошу у Аллаха, чтобы тропинка, как раньше, зазвенела под моими ногами, чтобы меня вернули в молодость – это было бы глупо; но прошу у Аллаха, чтобы я умерла на сочном лугу, чтобы надо мною летали, играя, божьи коровки, красные с черными крапинками, чтобы пахло кругом фиалками и всеми дарами земли, чтобы на синем небе бурлили белые облака и чтобы все это застыло в моих глазах и унесла бы я образ любимой земли с собой в землю.

Что расстояние, что границы?
День изо дня
На всех путях
Во мне родной очаг дымится,
Горит недремлющий чирах.
Во мне, усталости не зная,
Ликуют птичьи голоса,
Жемчужно светится ночная,
На травы павшая роса.
Во мне певуче и бессонно
Переключаются ключи,
И в дом бегущие со склона
Журчат студеные ручьи.
Во мне над темною чинарой
Серебряная россыпь звезд,
И крик птенцов под кровлей старой
Из тесных ласточкиных гнезд...

И пусть тропинка уже не звенит под ногами и жизнелюбие не бурлит, как река при обильных дождях, все равно, воспоминания во мне спрессованы и фундаментальны, поднимая меня в необъятный мир.

Странная собака

Ломает голову философ
День изо дня, из года в год:
Жизнь, задавая тьму вопросов,
На них ответа не дает.
Свечу надежды зажигаю,

Но сокрушенно полагаю:
Она горит быстрее, чем я,
Проникнув в тайны бытия.

Время было очень трудное – первый послевоенный год, голод еще свирепствовал – страшная засуха сжигала все дары земли. Но свои байрамы (праздники), почитаемые предками, аульчане строго соблюдали. Принято было, когда отары с чабанами возвращались с зимних пастбищ, встречать их вкусной едой, танцами, песнями. За аулом была большая поляна Талаар, словно Аллахом созданная специально для таких торжеств. Посередине поляны – небольшое озеро, сюда по дороге на пастбище и на обратном пути приходили отары на водопой. Хоть озеро было и маленьким, казалось, что чем больше из него пьют воды, тем оно становится полнее.

В тот послевоенный год аульчане тоже устроили байрам. Правда, больше половины чабанов были женщины. Аромат трав и цветов смешался с ароматом чеснока и кислого молока, в больших тарелках красиво разложены жареные и вареные картофелины, пирожки, чуду; играла зурна, и бил барабан. Танцевали старики, женщины и дети. Но одна маленькая девочка очаровывала всех: на ней был сшитый из старого атласа национальный костюм – хабало, на голове крючком вязаный тастар.

– Чья это дочка? – спросил один чабан в выцветшем военном кителе.
– Это дочка Салима. Когда он уезжал на фронт, она была еще в утробе матери, – ответили ему.

И чабан, как приз за лучший танец, подарил ей маленького ягненка. Мать и дочь унесли домой большую радость, чем эта ярочка. За ней ухаживали, как за ребенком. Первое время даже выделили ей место в комнате. Куда бы мать с дочерью ни ходили, она бегала за ними, как привязанная. Ярочка оказалась очень баракатная (благодатная), с нее у них начало подниматься хозяйство. Она принесла им двух ягнят, потом выросли еще... Раньше эта семья не могла на зиму готовить сушеное мясо, а теперь к осени они выкармливали уже своих баранов.

Но в каждом ауле есть люди, которые готовы загребать жар чужими руками. Так, четверо молодых ребят «положили глаз» на этих откормленных, ухоженных баранов с тяжелыми курдюками. И решили однажды в темную ночь увести их. Двое остались за забором, а двое влезли во двор. План был прост и ясен. В доме находились вдова погибшего на фронте и уже повзрослевшая дочь. Они побоятся выходить, если даже собака залает. По заранее намеченному плану двое должны были через забор передать баранов своим сообщникам. Но, как гласит пословица: «Если хочешь, чтобы Аллах смеялся, составь себе планы на будущее». Воры были совершенно уверены в благополучном исходе своей задумки; наверное, в мыслях уже шашлыки жарили и вдыхали его аромат. Собака почему-то не лаяла, виляя хвостом, она ходила около воров. А когда они

поймали первого барана и хотели передать через забор, она бросилась прямо в лицо вора: сомкнулись челюсти – и страшный крик разорвал ночную тишину – собака оторвала нос любителю чужих баранов...

Конечно, воров поймали на другой день; видимо, у милиции эти бездельники были на примете. Правда, безносого поймали в другом ауле – он прятался у тети.

Но самое смешное было на суде, когда он все время повторял: «Странная у них собака: не лает, а кусает».

Тайна души

Почему у жаворонка
Столько песен?
Потому что жаворонку
Мир не тесен.
Он травинку
Принимает за березу,
А былинку
Принимает он за розу,
И за море принимает он
Росинку,
За долину принимает он
Тропинку,
И горячими,
Как летние долины,
Ледяные
Ему кажутся вершины.

Говорят, что ты, моя земля, мала. Но если не думать о ее размерах: длине, ширине и других параметрах, лишь сосредоточиться на ценности каждой крупинки земли, то можно смело сказать, что земля – это «вкрапленное в алмаз» море. В ней есть все, о чем бы мог мечтать человек. В ней могучие горы, внушающие человеку мужество и верность, умение переносить и холод зимы, и жар лета. В ней речки, рожденные от любви солнца и льда, речки с кристальной чистотой, стремящиеся друг к другу, чтобы, соединившись, становиться сильнее и выносливее. Сколько всего приходится преодолевать этим безымянным речушкам на своем пути! Сколько раз, ударившись о могучие скалы, они рассыпаются на капельки. Каждая капля обладает той же целеустремленностью, что и речка, рожденная из льда. Капля с каплей соединяются и стремительно бегут, рождая свою песню, не похожую ни на какую другую. И я с малых лет вместе с ними пою эти песни горных речушек. Где то на пути эти малютки речки сливаются друг с другом, становятся сильными, и уже не отличишь, какая вода из какой речки. Соединившись, они становятся уверенными в себе. Теперь слух их становится острым и чувствительным, они слышат зов других речек,

зовущих их к воссоединению, и бег ее становится быстрым и отчаянным, цель – определенной, а песня – осмысленной. И мечта исполняется – из сотен маленьких речушек образовалась могучая река. У нее уже своя песня, звонкая, мятежная, возвышенная, ей нипочем ни камни, ни скалы; она не осторожничает, замедляя свой бег, и успокаивается, только приблизившись к своей цели – морю...

А я не люблю море: оно бездушное, и песня его для меня – как рев зверя, рычание, угроза. Я стою на берегу, как песчинка, как лоскуток, оторванный от волны. Мокры мои ноги, а в сердце жарко – там кипят песни горных речушек, буйствует мужество реки, образовавшейся от слияния безымянных ручейков, там отчаянность водопадов, бросающихся головой вниз с неизмеримой высоты пропасть ради своей мечты – дойти до моря.

О горные водопады! Вы всегда во мне! Кто из нас другому передал эту отчаянность? Вы мне или я вам?!

В пропасть летит водопад,
Точно взлетает в небо.

Она не уставала повторять,
Чего страшусь я видеть в предстоящем
Всего сильней? Чужими – небеса,
Пустыми – зыбки, поле – неродящим,
Потухшими – любимого глаза.
Угрюмый лес, молчащий на рассвете,
Без птичьих гнезд, без радости в душе.
И молодость, которая уже
Не верит больше ни во что на свете.

Утром после намаза и вечером после дуа бабушка, занимаясь своими домашними делами, напевным голосом говорила: «Овсевышний Аллах, почему люди такие толстокожие, почему закрыты клапаны их сердец и умов? Почему они перестали думать, говоря, что человек – хозяин земли и неба? Ведь даже самое простое он не может сделать, если Аллах не поможет. Найдите мне такого человека, который смог бы молоко, надоенное от коровы, возвратить обратно по тому же пути. Найдите такого лекаря, который мог бы ребенка, только что вышедшего из материнской утробы, вернуть тем же путем на место. Говоруны все твердят, что человек – самое сильное создание, аставфирулла!»

Если подумать, то Аллах распоряжается всеми жизненными процессами. Теленок, только что появившийся, тут же встает на ноги, начинает искать вымя матери. А если корова делает шаги, теленок идет за ней. Жеребенок, еще не высохший, на дрожащих тоненьких ножках, начинает бегать вокруг кобылы. А чтобы дитя человека встало на ноги, нужен целый год, еще два года, чтобы он заговорил, не меньше пятнадцати лет, чтобы его считали взрослым. Аставпирулла, почему люди не думают над таким ала матом (чудом)? Аллах так

захотел, чтобы человек год за годом набирал ум, мудрость, чтобы он видел, слышал и понял, что человек – это создание Аллаха. И за то, что он создал его, дал ему ум, язык, зрение, слух, человек должен делать все, чтобы Аллах на него не рассердился; он не должен кичиться, что он самый сильный. Алхамдулилла, пусть человек не забудет, что его судьба в руках у Аллаха». Она не уставала повторять эти слова.

Пусть мало будет – ста друзей,
Пусть много будет – полврага,
Пусть здесь в течение жизни всей
Не гаснет пламя очага.
Пусть хлеб печется на огне,
И пусть от щедрого труда
Гостям, соседям и родне
Здесь предлагают хлеб всегда.
Пусть здесь родится человек
И услаждает этот дом,
Пусть мудрость старости вовек
Не покидает этот дом.
Пусть зависти и клевете
Сюда дороги не найти, –
Улыбки искренни лишь те,
Что зарождаются в груди
И на губах цветут потом.

Пророчество тети Халун

Две непохожих жизни у меня:
Одна во мне, другая за спиною.
Но и она, нескладная, со мною
В биенье сердца – в кипении огня.
Она сулит мне новую кручину.
Боюсь ножа, нацеленного в спину,
И все страшнее оглянуться мне.

Чем тяжелее становится груз годов, тем чаще вспоминаешь маленькую родину: аул, каменные одноэтажные дома с плоскими крышами, с трех сторон открытыми верандами. И будто я на каждом рассвете слышу крик петухов, которые, друг друга подхватывая, создают симфонию, гимн рассвету. Помню, как мы бегали по кривым улочкам аула...

Главенствовал в нашем роду дедушка Омар дада – дядя моего отца. У него была всеми уважаемая и мудрая жена Халун. Она говорила очень мало, иногда

могла целыми днями молчать. Весною, летом, осенью пропадала в поле, а зимой все время что-то шила, латала, вязала носки и варежки. К ней приходили женщины очень говорливые. Хотя Халун сама молчала, малейшие погрешности других собирала в свой сердечный сундук, как бы про запас, пока не придется к месту. Но, когда что либо говорили про нас, про сирот, тут ее слово становилось острее алмаза и, как ржавый гвоздь, вбивалось в сердце говорящему.

Я была очень шумная, доверчивая, искренняя. В мою голову лезли разные идеи, фантазии. Стоило услышать что-нибудь необычное, это, как зерно в весеннюю землю, падало в мое сердце и начинало звенеть колосьями.

У нас в ауле жила очень благополучная семья, богатая по тем временам. В ауле говорили, что счастье, однажды открыв дверь в их дом, никогда не закрывает ее. Дочери вовремя вышли в хорошие дома замуж, сын удачно женился, внуки растут здоровыми, как говорится, «руки в масле, язык в меде». И еще рассказывали, что их дедушка, будучи чабаном, нашел в горах камень, на котором можно было прочесть: «То, что любит пророк Мухаммад, то и я люблю, то, что ненавидит пророк Мухаммад, то и я ненавижу». Когда я услышала это, потеряла покой. Сама в горы ходить боялась и позвала двух своих подруг. И как бы невзначай спросила об этом бабушку.

– Это аламат (чудо), доченька, действительно, есть такие камни с меткой Аллаха, и если человек с большой верой и любовью хранит его, то всю жизнь целому его тухуму везет.

– Я хочу найти такой камень, бабушка, я буду искать.

– Искать тоже нельзя. Кого Аллах любит, он сам как бы в руки его дает.

Бабушка прочла маленькую молитву: «Субханаллахивани’малвакил».

– Если каждый день тысячу раз читать ее, то мечта человека исполняется, – пояснила она.

Я сразу запомнила молитву и, сколько могла, читала. Но не успокоилась. И вот однажды со своими близкими подружками под предлогом собирать кизяк на зиму отправились в горы. Поднимаясь все выше и выше, мы перебрали, наверное, до тысячи камней, но никаких росписей на них не обнаруживали. Пили воду из родников, голода не чувствовали – были сыты от желания найти волшебные камни. Опомнились, когда эхо начало повторять: «Айшат, Фазу, Загидат!» Тут мы увидели, что начало темнеть, и поняли, что нас ищут. Подругам досталось от своих матерей, а тетя Халун молча взяла меня за руку и увела домой. Мать Загидат кричала:

– Это все ненормальная Фазу, что только ни приходит ей в голову! Сегодня одно придумает – завтра другое; пусть что хочет, делает сама, но оставит наших девочек в покое. Аллах знает, что они бывают ниже травы и тише воды, пока не появляется Фазу. Она же, как каменный обвал: если говорит в верхнем ауле, то ее слышно в нижнем. Она как лучиной зажигает этих глупышек, а они все ей в рот смотрят.

– Да, в ней есть огонь жизни, она видит красоту мира. Недаром же говорили наши предки: кто видит красоту и может ею любоваться, он является ее частью! – сказала, надменно улыбаясь, Халун.
– У наших девочек тоже полно жизни, иначе они не жили бы, а у Фазу глаза на небе, словно ее гнездо в облаках. Землю она не видит, как пастух, у которого вниз с гор бежит отара! – возмущалась мать Загидат.
– Кто не восхищается небом, и землю любить не способен, такие остаются пресмыкающимися! – ответила Халун.

– Слышите, что она говорит? – стала махать руками до сих пор молчавшая мать Айшат. – Получается, что наши девочки – змеи или ящерицы. Если вы дали ей имя птицы, думаете, она взмахнет крыльями и начнет летать?! – Крылья видны только у птиц, а у человека душа должна быть крылатая. И она стремится в небо, не отрываясь от земли, и я этому рада! Это все дает Аллах, алхамдулилла, и вы у нее это отнять не можете! Ты моя радость, Фазу, – повернулась ко мне тетя Халун, – не слушай их, небо и земля человеку даны для радости, вот и радуйся!

– Если вы считаете, что она портит ваших девочек, – обратилась Халун к женщинам, – держите их от нее подальше, как небо от земли. Сколько я жила в горах, столько я искала счастливый камень, но так и не нашла. Чем дальше уходит прошлое, тем оно становится ближе, и каждое слово понимаешь глубже. Вспоминаю я многое, что говорила Халун, и думаю: может, она тоже была женщиной, отмеченной меткой Аллаха, одаренной талантом, иначе в безумных моих деяниях она не смогла бы увидеть красоту и стремление к высотам, почувствовать крылья в моей детской душе.

Крапива и молитвы

Душа моя!

Господь не приведи

Тебе такой пустыней оказаться,

Где змеи притаились, а дожди

Барханам раскаленным смутно снятся.

И, хоть в кудрявых тучках небосвод,

Нельзя поверить даже на мгновенье,

Что для тебя оттуда избавленья

От зноя нестерпимого придет.

«Молитесь! Говорят, Аллах согревает свои руки у сердца молящего».

Моя бабушка

Когда я слышу слово «крапива», я возвращаюсь в свое голодное детство – военные годы. Слово действует на меня магически, где бы я ни находилась, передо мною возникают горы, ущелья, поляны, которые я вместе с бабушкой посещала не раз.

Когда у нас появлялось свободное время от основных работ и рано утром, с двумя большими, сшитыми из разноцветных лоскутков старых вещей мешками мы отправлялись за крапивой. Бабушка до самой смерти твердила, что многих людей в голодные годы от смерти спасла крапива, что она – лекарство почти от всех болезней. Мы собирали ее с начала весны и до поздней осени. Каждый раз половину собранного мы сушили в тени на зиму, из другой половины готовили еду, причем самую разно образную, и ели с большим удовольствием. Чаще всего готовили густой суп. Делали его так: когда крапива начинала закипать, сыпали в кастрюлю немного муки, потом одно два мелко нарезанных яйца. Делали из крапивы и лепешки: долго перетирали мелко нарезанную крапиву и, чтобы она не рассыпалась, добавляли немного муки.

Так же, как и крапива, нас выручала корова. Мы все за ней очень ухаживали, чтобы она давала побольше молока. Его мы собирали в большую кастрюлю, а раз в неделю сливали молоко в глиняный кувшин и по очереди трясли его до тех пор, пока в нем не появлялись масляные шарики. Их снимали из оставшегося молока, грея на медленном огне, делали творог, сыворотку пили, как воду, а еще из нее на зиму делали уксус. Каждый год корова дарила нам теленка, продав которого, когда он немножко подрастал, нам покупали одежду.

Держали много кур, поэтому яйца нам доставались очень часто. Ухаживать за курами было поручено мне. Я очень ответственно относилась к этому, в то же время знала, какую траву они едят. Ставила воду в большом тазу во дворе, чтобы они в любое время могли пить. Двор наш был маленький, но, несмотря на это, почти третью часть его бабушка решила выделить для огорода. Всей семьей мы собирали камни, которыми огородили участок, чтобы куры не лазили в огород и не портили ничего. Обработали землю и посадили там чеснок, лук, посеяли семена петрушки, киндзы, укропа, а кругом в два ряда бурак. Никто не поверит, как этот огородик нас спасал в тяжелые времена. Особенно чеснок, лук и бурачные листья. Из бурачных листьев мы делали чуду, израсходовав совсем немного муки. А в конце лета собирали бурак. За нашим спасителем огородом ухаживали все. А бабушка каждый раз читала молитвы, благодаря землю за щедрость:

Спасибо тебе, земля кормилица,
Дай всходам и дождя, и солнца в меру,
Дай сеятелю доброе зерно,
Дай пахарю в себя и в землю веру,
Не дай, чтоб в реках обнажилось дно,
Но и не дай им через край пролиться.
Дай душам трудолюбие, огонь,
Пускай огонь земли позолотится,
И хлеб жнецу ложится на ладонь.
Обильем зерен благодатных горца

За труд упорный отблагодари.
Пусть и грядущий день зарей займется,
Взяв искру от сегодняшней зари.

Услышанное от бабушки, я сразу запоминала и, придя на огород, повторяла наизусть...

Удивительное дело, все, что говорила бабушка, я запоминала на всю жизнь. Каждое ее слово, как резьба на камне, навеки запечатлелось в моем сердце. Иногда мне казалось, что бабушка молится не Аллаху, а земле. «Земля – кормилица, земля – щедрость, без земли человек не может жить; посмотри, сколько всего она нам несет. Родники от земли, трава, цветы, деревья – все от земли. Поэтому мы должны ее лелеять, ласкать», – повторяла она каждый день по нескольку раз. Так с самого детства во мне зародились любовь и привязанность к земле.

Однажды в поисках крапивы мы поднялись на высокую скалу, и бабушка неожиданно встала на колени:

– Фазу, быстро иди сюда, такой алапат (чудо)! – Она дрожащей рукой гладила цветок.

– Что это, бабушка?

– Это чудо, которое Аллах послал, чтобы люди, глядя на него, задумывались. Ты посмотри, цветок на тоненьком стебле просверлил скалу, вышел наружу. Ты знаешь, почему он смог это сделать? Потому что любил жизнь, хотел каждый день видеть рассвет, солнце, облака, купаться в дождевой воде, любоваться закатом, наслаждаться звездным сиянием, улыбаться луне, слушать птичьи трели и, вобрав все это в себя, отдавать людям. Посмотри, вот и пчела прилетела, чтобы с него нектар собрать. Это не просто Аллах такой нам послал цветок, нежнейшую фиалку. Он хотел, чтобы человек брал с него пример: если человек любит свою землю, жизнь, он может все преодолеть, как вот эта фиалка, победившая скалу. О Аллах, сколько чудесного вокруг, только надо уметь его увидеть, понять и принять. Человек все должен преодолевать, один на второго похожим не бывает – и голод, и холод, и жажду, и зной, алхамдулилла, – говорила бабушка.

Может быть, эта нежная фиалка и не сверлила скалу, а вышла из трещины, но в моем сердце на всю жизнь она осталась фиалкой, преодолевшей скалу ради жизни, ради того, чтобы любоваться солнцем, небом и дарить пчелам нектар. Она так и цветет в моем сердце и никогда не вянет. Когда мне трудно, я вспоминаю о ней и сама уподобляюсь фиалке. Каждое ее слово во мне как зерна, брошенные в благодатную почву, при самых трудных поворотах они приходят на помощь. Они мне подсказывают, когда говорить, а когда молчать; они меня заставляют думать, по какой тропинке идти, как не споткнуться, не упасть, как беречь свое достоинство и уважать достоинство других. Часто я

думаю: почему мне так запоминались заветы бабушки, произнесенные простым, неспешным спокойным языком? Как сегодня, помню каждое ее слово...

С начала весны до поздней осени у нас дома стоял аромат альпийских лугов; везде, где только можно было, сушили травы, потом мы собирали их в мешочки, а на каждый мешочек пришивали «опознавательный знак». Там, где крапива, – зеленый лоскуток; хранится мята – голубой, для тмина – желтый. Все это хранилось в цагуре (большая, на полкомнаты, кладовка). Входить туда могли мама и бабушка, нам не разрешалось.

Все наши односельчане со своими недомоганиями приходили к бабушке; самыми главными лекарствами у нее были тмин и мята. Она учила их, как делать отвары и как их пить. Потом я удивлялась, что одну траву она назначала при совершенно противоположных заболеваниях. Кроме разных трав, у бабушки было еще другое лекарство, как моя мама говорила – загруман (отрава). Она собирала с коры старых деревьев и скал. Бабушка его давала редко, чтобы вызвать рвоту, заставляла глотать натошак малюсенький кусочек. Для трав у нее были деревянные ложки. Смесь трав она сыпала только в стеклянную и фарфоровую посуду, их женщины приносили сами из дома. И никогда ничего за свои заслуги бабушка не брала: «Все я делаю ради Аллаха. Чтобы эти разговоры я не слышала», – размахивала она руками, возмущаясь. Я бабушкины «рецепты» и сейчас применяю. Многие их них, особенно тмин, мяту, лопух, подорожник.

Потом к бабушке приходили сказать слова благодарности, целовали ей руки.

– Спасибо, Патимат, болезнь как рукой сняло, пусть Аллах всегда посылает вам радость.

– Это не я, это Аллах через мои руки послал вам исцеление, это дары матери земли, а землю Аллах наделил всеми благами, нужными человеку; алхамдулилла, тебе молимся, Аллах, на тебя надеемся, – отвечала бабушка. Бабушка была очень религиозная, знала Коран наизусть, без слов «Бисмиллахирахманирахим» (С именем Аллаха милостивого и милосердного) она ничего не трогала. Какая бы ни пришла беда или просто огорчение, она становилась на колени, поднимала кверху руки: «Алхамдулилла, Аллах, ты послал это испытание, я принимаю, наверно, это к лучшему, алхамдулилла!»

Когда я была маленькой, во время войны в село приходили похоронки, и по вечерам десять пятнадцать дней старые люди ходили в дома, куда пришла беда, читать молитвы, просить у Аллаха беречь живых, которые защищают свою родную землю. Когда заканчивали зикру (лаилахаилаллах), все просили мою бабушку делать дуа (мольба). Она сразу говорила, что она не делает длинный дуа, потому что Аллах и так видит наши сердца; нельзя долго держать людей, у каждого свое дело, кто то болеет, кто то спешит. И она обращалась к Аллаху с очень короткими, но емкими словами: «Облегчи больным боль, умирающим дай силу произнести шахаду «ашадуалаиллахаилаллахваашадуанна

МухамадРасулулла». Как бы мало ни было прочитано нами молитв, ты, Аллах, прими их, ты видишь наши сердца, знаешь наши помыслы, мы обращаемся к тебе с надеждой. Аллах, пусть дух павших на чужих землях покоится там, где они родились. Они защищали родную землю, давая отпор тем, кто нарушил мирную жизнь людей. Аллах, защити нас от кровопролития, от коварства, от зависти и ненависти черных сердец. Ты укажи нам правильный путь. Пусть закроются наши сердца от злых мыслей, дрожит рука от злодеяния.

Пусть запомнят навсегда:
Нет без веточки плода.
Нет деревьев без корней,
Корня без земли своей.
Пусть запомнят наши дети:
Каждый за себя в ответе,
Камня мало для опоры, –
Могут рушиться и горы,
Сам себе родник открой, –
Сохнет и река порой.
Я молюсь, чтоб дети наши
Были нас добрей и краше,
Чтоб мы от стыда за них
Глаз не прятали своих.
Не дай бог под эти небом
Им отведать сладость хлеба,
Чьи колосья в высоту
На чужом пошли поту.
Пусть всегда на этом свете
Нас хоронят наши дети.

Аллах, тебе отдаем наши помыслы, наши сердца; ты всемогущ, помоги своим покорным рабам. Аминь! Аминь! Аминь!» И все вместе повторяли: «Аминь».

Когда мы с бабушкой собирали травы или работали на сенокосе, она рассказывала о чудесах религии. Так рассказывала, что и сегодня я слышу ее голос и вспоминаю каждое слово, потому что длинных, нудных назиданий у нее не было. Прежде чем рассказать, донести до меня какую-нибудь молитву, она начинала с притч. Хочу привести несколько примеров.

Говорят, как то шел по лесу человек, отдавший свое сердце и душу Аллаху. Вдруг он увидел, как с высокого бугорка, встав на дыбы, готовится к прыжку тигр. Он не растерялся и начал читать молитву «Дустури», и так получилось, что человек оказался на возвышенности, а тигр – внизу. Человек стал скидывать с возвышенности камни, и тигр убежал. Благодаря этой притче я сразу запомнила эту молитву, и каждый день читаю ее семь раз.

Говорят, что один человек, целиком отдавший жизнь Аллаху, стал отшельником, питался лесными ягодами и фруктами. Он долго жил, а когда умер, во сне его увидел его ученик. Учитель сказал ему: «Мне здесь очень трудно, сходи на могилу моей матери, попроси, чтобы она меня простила: оказывается, когда я ходил по лесам и горам, она очень скучала по мне и ждала. Чтобы покрыть этот мой грех, прочитай на ее могиле семьдесят тысяч раз «лаилахаилаллах». Ученик отшельника просьбу выполнил и снова увидел его во сне в белом одеянии, он пожал руку своему ученику. С тех пор и начали по ушедшим читать семьдесят тысяч «лаилахаилаллах».

Еще бабушка рассказывала, как один человек читал ежедневно молитву «Лакъаджаакум» семь раз, потому что говорили, что в такой день человек не умрет. Он жил сто шесть лет, и как то он говорит жене: «Готовься, сегодня я умру». – «Откуда ты знаешь?» – «Никак не могу читать лакъаджаакум». Жена принесла ему Коран: «Читай отсюда». – «Не вижу». Так, разговаривая, он умер. Двоих, говорят, приговорили к повешению. Один знал молитву «Дустури», а другой не знал. Когда их вели на казнь, один читал семь раз «Дустури» и сказал: «Аллах, помоги, мое сердце наполнено любовью к тебе и твоему посланнику Мухаммаду (свалаллахутаалаалейхивасалам – мир и приветствие Аллаха ему)». И он каким-то чудом остался жив, а другой погиб. Все молитвы, что мне читала бабушка, украшая притчами, я знаю, и сегодня и читаю каждый день. Дай, Аллах, моей бабушке райский уголок. Она была как ангел, твердила, что жизнь – короткая, надо творить добро, никому нельзя желать плохого; Аллах видит наши сердца. И она часто повторяла:

Сольются две души пускай,
Как речки, – речек не разнять,
Пусть радость льется через край
И входит в берега опять.
Пускай рожденье очага,
Сравнив с рождением звезды,
Пускай всегда – в руке рука,
Тогда не ведать вам беды.
Пусть мало будет ста друзей,
Пусть много будет – полврага,
Пусть здесь в течение жизни всей
Не гаснет пламя очага.
С горными речками дружба верная
Ах, море бурное, не верю я в бунтарство,
Ах, море тихое, твое смирение – ложь.

Бывают дни, когда море спокойное, оно словно сливается с небом своей голубизной. И, стоя на берегу, словно чувствуешь, как оно заполняет тебя чем-то необъяснимо чудесным, снимает все тревоги и суету жизни и делает душу

чистой, восторженной, главное – свободной. И, замороженный, как будто ты паришь между небом и землей. А потом незаметно для себя превращаешься в капли морской воды. Все мысли, прошлое, настоящее – будто ничего и не было – одно море, и я – как капелька этой безбрежности. Сила моря так могуча, что поглощает целиком. К чему ему моя печаль, к чему мои бессонные ночи, мои потери и боль, мои слезы и вздохи?

Бывают серые дни, и небо тучное, и море мутное. Волны бушуют, словно состязаются, кто раньше ударится о берег, кто выше всех над морем поднимется. Я ухожу все дальше и дальше от берега, а волны грозят мне, что вмиг могут меня проглотить, кричат, что от них не уйти. Нет! В каком бы виде море ни представало перед нами, оно не друг – с ним дружбы не получится!

Мои друзья – это горные речки со своей тихой мелодией; опустишь в их лазурную воду ноги, они смывают всю усталость, всю тяжесть, которые, как оковы, замедляли мой шаг. Ноги касаются сверкающих камней – все дно на виду, ничего не утаивают речки. Это у них, наверное, на роду написано – быть чистыми и открытыми, ведь они рождены на вершинах от любви солнца и льда. А еще в них соединились гордость вершин и жар солнца.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление.....	3
ПО СТРАНИЦАМ БИОГРАФИИ.....	4
ПОСВЯЩЕНИЕ	
Стихи.....	7
«Срочно доставить!».....	9
Благодарю судьбу.....	10
Боль и радость.....	11
Вдвоем в огне.....	11
Вера в жизнь.....	12
Вкус молока.....	14
Горсть земли.....	15
Жар-птицу я схватила..	19
Зарю встречая у окна.....	19
Мгновения.....	20
Много примет у меня... ..	21
Не верь ему.....	21
Не верь, любимый!..	22
Не думай, мужчина... ..	22
Призвание.....	23
Равнодушному.....	23
Ревность.....	24
Слова любви твоей.....	24
Сын.....	25
ПРИТЧИ И ТОСТЫ	31
Дагестанские притчи и тосты.....	31
ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ	50
Слово о Родине.....	50
Снова вижу я родные горы.....	51
Любовь – она бывает разной.....	52
Строки любви.....	54
Я люблю.....	54
РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ	
Цена добра. В гармонии совести и таланта.....	62
Слеза Родниной.....	70
«Нет на свете места приятнее домашнего очага».....	71
Мои печальные тропинки.....	72
В ПОИСКАХ ИСТИНЫ...	74
Гармония одиночества.....	74
Все меняется.....	75
Золотая осень.....	76
Генеральная репетиция.....	78
Мамин наперсток.....	78

Странная собака.....	81
Тайна души.....	83
Пророчество тети Халун.....	85
Моя бабушка.....	87

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

**ФАЗУ АЛИЕВА – ГОЛОС МИРА,
ДОБРА И ЛЮБВИ...**

**Репертуарно-методический сборник в помощь
КДУ, центрам культуры**

**Подготовлено
Республиканским домом народного творчества
МК РД**

**РДНТ МК РД
367010, г. Махачкала,
ул. О. Кошевого, 35 «а»
e-mail: rdnt35@yandex.ru
www.dagfolkkultura.ru**